

Инна Баринская

Детектив
сильных
страстей

ЭКСМО

Танец на тлеющих углях

Инна Юрьевна Бачинская

Танец на тлеющих углях

Серия «Дикие лебеди», книга 3

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6057337

Танец на тлеющих углях : роман / Инна Бачинская: Эксмо; Москва;

2013

ISBN 978-5-699-65335-5

Аннотация

Одно хорошо – сегодня он расстанется с Григорьевым. Скажет: никаких доказательств неверности жены предоставить не может, все ее передвижения и встречи носили вполне невинный характер... Рисуя картину прощания с клиентом, Шибаев понимал – могут случиться непредвиденные осложнения. Допустим, их с Ириной видели вместе и доложили банкиру. Тогда... последствия Шибаев представлял себе смутно. Жаль, он не рассказал ей, что супруг нанял его следить за ней! Он пытался, но она перебила: «Молчи, иди сюда!» А потом уже стало не до того...

Шибаев вошел в знакомый, слабо освещенный холл. Он решительно направился в комнату, движимый одним желанием – объяснить с Григорьевым как можно скорее. Тот лежал на диване, запрокинув голову и разбросав руки, в круге красного света. Шибаев с ужасом понял: перед ним труп...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	25
Глава 3	38
Глава 4	48
Глава 5	58
Глава 6	67
Глава 7	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Инна Бачинская

Танец на тлеющих углях

© Бачинская И.Ю., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Хорошо живу, богато,
Все умею, все могу,
Как плясунья по канату,
По судьбе своей бегу,
Между небом и водой,
Между счастьем и бедой...
Получается красиво,
Всем приятна красота...
Миг один, одна неловкость – и на дне...*

«Хорошо живу, богато...».
Вероника Тушинова

*Действующие лица и события романа
вымышлены, сходство их с реальными лицами и*

событиями случайно и непреднамеренно.

Автор

Пролог

Заливистый щебет фальшивой райской птицы возвестил о приходе гостя. Женщина вздрогнула, взглянула на часы. Рассмеялась торжествуяще и пошла в прихожую. Остановилась перед зеркалом, поправила длинные светлые волосы, расстегнула еще одну пуговку на блузке. Улыбнулась томно и загадочно. Снова раздался заливистый щебет. Она не торопилась открывать. Улыбаясь, все смотрела на свое отражение. Наклонила голову к плечу, взглянула лукаво. Провела ладонями по бедрам. Хороша!

Распахнула дверь и едва сдержала возглас досады. Идиотка! Нужно было посмотреть в глазок.

– Ты?

– Привет, – непринужденно произнес посетитель, несколько не обескураженный холодным приемом. – Извини, я без звонка. Ты одна?

– Я занята, – сказала она, не изъясняя ни малейшего желания посторониться и пропустить незваного гостя. Стояла, раздувая ноздри от негодования – сподобил же черт припереться не вовремя... этого!

– Пролетал мимо, вспомнил кое-что... Думаю, тебе будет интересно.

– До завтра подождать нельзя?

– До завтра... Нельзя до завтра. Есть вещи, которые ждать

не могут. И я решил... А ты что, гостей ждешь?

– Говори! – перебила она. – Что там у тебя?

– Прямо здесь? Может, пригласишь в апартаменты? Кстати, ты прекрасно выглядишь!

Женщина дернула плечом, отменяя комплимент. Она колебалась, испытующе глядя на него. Наконец процедила недовольно:

– Но имей в виду, только на минуту. Я действительно занята.

– Конечно, конечно, занята, я понимаю, такая шикарная женщина не может быть свободна. – Он издал нервный смешок. – На маленькую минутку. Совсем крошечную! Мне хватит!

Не скрывая раздражения, она молча повернулась к нему спиной, направляясь в комнату, и в ту же минуту он накинул ей на шею шнурок и резко дернул. Она взмахнула руками, закричала придушенно, подалась назад. Он затягивал все туже, до боли в пальцах. Она рвала шнурок с шеи, ломая длинные ногти...

Когда все было кончено и он опустил ее на пол, раздался звонок в дверь. Убийца вздрогнул и замер в неловкой позе, боясь шевельнуться. Стоял, согнувшись, все еще протягивая к ней руки. Звонок заливался пронзительным радостным щебетом, который отдавался в нем, впиваясь колючками в виски, сердце, желудок. Он подумал, что его сейчас стошнит. Он сделал глубокий вдох и задержал дыхание. Женщина ле-

жала неподвижно, разбросав руки. Ему показалось, что она смотрит на него, и он отвел глаза. Было слышно, как человек за дверью чертыхнулся сквозь зубы. Они были рядом – убийца и тот, кого она ждала, их разделяла только дверь. Гость позвонил еще раз. Потом в досаде ударил в створки кулаком. Убийца чувствовал его растерянность. Дорого бы он отдал, чтобы увидеть его лицо. Он распрямился, собираясь взглянуть в глазок, но не посмел – побоялся выдать себя.

Еще один звонок, недовольное чертыхание и – звук удаляющихся шагов. Гость не стал вызывать лифт...

Глава 1

Что есть истина?

– Авот ответь-ка мне, Ши-Бон¹, как, по-твоему, истинны ли данные утверждения или ложны? – обратился к Александру Шибаеву, частному детективу, его друг, домашний философ и адвокат по бракоразводным делам Алик Дрючин. Он называл его полузабытым школьным прозвищем – Ши-Бон, все еще хранившим привкус далекого детства. Тогда один из них, рослый и крепкий, с утра до вечера гонял в футбол, а другой – тощий заморыш – с тоской за ним наблюдал, заложив пальцем страницу книжки, с которой не расставался. – Слушай! – Он откашлялся, поднес к лицу тонкий журнал с рассыпающимися страницами и с выражением прочитал: – «Яблоки более эффективны для утреннего просыпания, чем кофеин».

– Чего? – не понял Шибаев. – Просыпания?

Он лежал с закрытыми глазами на старом, в рытвинах и ухабах, диване. Что-то твердое упиралось ему в бок, но он терпел, ленись переменить позу. Глаза его были закрыты не потому, что он хотел спать, а потому что ему до смерти остро чертела трещина на нечистом потолке как раз над диваном.

¹ Читайте об этом в романе Инны Бачинской «Магия и...» и «Голос ангельских труб», издательство «Эксмо».

Бывшая жена Вера все уши прожужжала про эту трещину и в связи с ней о хозяйственности нового мужа, бизнесмена Славика, надеясь на пробуждение в Шибаеве здоровых соревновательных инстинктов, но напрасно. Не было в нем здоровых соревновательных инстинктов. И хозяйственных не было, и деловых. И деньги он не умел зарабатывать. И вообще... На что ему неоднократно пеняла бывшая жена. Ее вмешательство во внутренние дела Шибаева закончилось тем, что он поменял замок. Алик Дрючин крутился рядом и по-сильно помогал ему советами, но честно предупреждал, что последуют санкции. И как в воду смотрел. Вера обиделась, плюнула и перестала приходить, чтобы убрать или приготовить котлеты. У нее, правда, теперь не имелось ключа, но она могла бы прийти и в присутствии Шибаева. Ей было приятно думать, что без нее он пропадет. Она даже общим знакомым говорила озабоченно, что у нее душа болит за Шибаева (у нее была манера называть бывшего мужа по фамилии), что он, как малый ребенок, не способен сделать себе яичницу и когда-нибудь помрет с голоду, и давно бы уже помер, если бы не она. А теперь даже звонить перестала, видимо, махнула на него рукой.

Адвокат Дрючин, привыкший давать советы за деньги, давал их Шибаеву задаром, по дружбе, хотя тот его советов не спрашивал. Алик советовал помириться с Верой, так как всегда питал к ней слабость, хотя и побаивался слегка. «Уж оч-чень она у тебя правильная, – говорил Алик. – Прет на-

пролом, как... танк, того и гляди отдавит что-нибудь... гусеницей».

Вера, видная и красивая женщина, менее всего напоминала танк. Но у Алика было воображение художника, и, давая человеку характеристику, он имел в виду не столько внешние данные, сколько внутреннее его содержание.

– Какие яблоки? – не понял Шибает.

– Ну, в том смысле, что утром лучше съесть яблоко, чем выпить кофе, – объяснил Алик.

– Ну и что?

– Тут спрашивается, истинное ли это утверждение или нет.

– Насчет яблок? Или кофе?

– Насчет того и другого. Что, по-твоему, эффективнее?

– Ты согласен на яблоко? Утром? Вместо кофе?

– При чем тут я? Я вообще яблок не ем. Они так хрустят, что меня мороз дерет по коже. Они спрашивают, как, по-твоему, это правда или нет?

– Какая разница, если ты все равно их не ешь!

– Да при чем тут я?! – завопил Алик, потеряв терпение. – В принципе! Речь идет об истине!

– Ах, об истине... Думаю, неправда.

– А почему?

– Я так чувствую. – Шибает поерзал, стараясь устроиться поудобнее.

– А вот и правда! – торжественно произнес Алик. – Ябло-

ки эффективнее!

– Это субъективное утверждение. Для тебя, может, и эффективнее...

Алик задумался.

– Ладно, – сказал он. – Это спорно. Слушай дальше: «Когда человек чихает, все функции его организма замирают». Правильно?

– Один мой клиент чихнул за рулем... – заметил Шибаев.

– И что?

– Влетел в киоск. Сломал челюсть, пару ребер и левую руку. Это не считая убытка киоску.

– Когда человек чихает, он закрывает глаза. Как и при поцелуе. Страховка хоть была?

– Была. Но там жулики...

– А то. Будем считать, что это утверждение истинно. Согласен? – Не дождавшись ответа, он продолжил: – «Большинство из нас хоть раз в жизни съели во сне паука».

– Чего?

– Паука съели во сне. Большинство из нас.

– Слушай, прекращай ерундой заниматься! – возмутился Шибаев. – Поговори лучше о смысле жизни. У тебя это лучше получается. Что за тупой журнал?

– «Курьер АРЮКСа». Причем на английском. Сразу перевожу. Неужели тебе неинтересно? А вот еще! Слушай! «Известно ли вам, что только два животных видят сзади себя, не поворачивая головы?» – Он сделал паузу, надеясь, что Ши-

баев хоть как-то выкажет заинтересованность. Не дождался и разочарованно закончил: – Кролики и попугай.

– Разве попугай животное? – удивился Шибаев. – Что такое «АРЮКСа»?

– Тут нет обложки. Понятия не имею. Внизу страницы название маленькими буквами и без объяснения. А попугай... Ну, наверное, они имеют в виду животных в широком смысле. Все, что живое, – животные. Даже человек. Правда, интересно?

Шибаев не ответил.

– Спишь? – спросил Алик, откладывая листок. – Слушай, ну нельзя же так в самом деле. Жизнь продолжается, сколько можно! Ты посмотри только на себя! Тебе же ничего на хрен не надо!

Шибаев молчал и глаз не открывал, и было непонятно, слышит ли он Алика вообще.

– Позвоню Вере, – пригрозил тот.

– У меня новый клиент, – сказал вдруг Шибаев.

– Правда? – преувеличенно обрадовался адвокат. – Кто?

– Как обычно. Ты же знаешь, кто мои клиенты.

– Рогоносец?

– Да вроде того.

– Знаешь, Сашок, я тут надумал написать роман в духе Рекса Стаута, – вдруг ни с того ни с сего мечтательно сообщил Алик. – Можем скооперироваться, хочешь? Или в духе Гарднера. Там у него тоже один адвокат фигурирует. У тебя

накоплен определенный опыт и у меня тоже. И название какое-нибудь эдакое... ностальгическое... ну, вроде «Последняя любовь». Или можно еще «поздняя» или «осенняя».

– А при чем любовь?

– Спрашиваешь! Знаешь, Сашок, как ни крути, любовь всегда вылезет, ибо это есть здоровая основа любого романа, – пустился в путаные объяснения Алик. – Что в жизни, что в романе. Даже политический памфлет – фигня без любовной интриги. Возьми этого гения, Ниро Вульфа, – у его правой руки все время какие-то любовные истории для оживляжа, то есть у его помощника. Оч-чень помогает! И вообще, как известно, все в жизни вертится вокруг секса и власти. И денег. И между прочим, я уже давно над этим думаю – нужен большой талант, даже гениальность, чтобы не сбиться на пошлость в постельных сценах, почему, спрашивается, одна заводит, а от другой ни холодно ни жарко, а иногда даже смешно? Видимо, есть кодовые слова, которые включают вторую сигнальную систему, и хороший автор...

– А детектив при чем? – перебил вроде бы заинтересовавшийся Шибаев. Даже глаза открыл.

– Детектив – основная сюжетная линия. А любовь – по принципу «все мы люди». Ты бы смог?

– Что?

– Написать детектив.

– О чем? О том, как я ищу сбежавших жен и собак? Или прошлогодний снег? О рогоносцах? О том, как я гоняюсь за

пошлыми бабами и тем живу? Да меня с души от них ворочит!

– Будь проще, Ши-Бон, это же работа, это на кусок хлеба. Мне моя тоже часто поперек горла. Ты даже не представляешь себе, сколько грязи в отношениях людей! А жадности!

– Почему не представляю? Очень даже представляю. Давно бы бросил, да куда идти? В охрану? В телохранители? Дворником? Только не надо насчет хобби, никакой хреновины про марки или бабочек, – сказал Шибаев угрюмо.

– Не буду. А кто твой клиент? – переменял тему Алик.

– Чмырь по имени Григорьев. Нужно походить за женой, говорит, нутром чую, спуталась с кем-то. Он по командировкам, а она не работает, дома сидит. Надо вычислить хахалю и представить доказательства супружеской измены. Хорошо бы захватить их в критический момент...

– Кто такой?

– Банк «Народный кредит», не то владелец, не то совладелец. Мне его биография без разницы. Анкеты для клиентов у меня нет. Пришел, принес ее фотографии. Заплатил. Нутром чувствую, надо было отказаться...

– С чего это вдруг? – удивился Алик.

– Уж очень пакостная вывеска у этого Григорьева. Такие, как он, чуть что, сразу бьют жене морду. Бандюк, но в приличном прикиде и при галстуке. Печатка на пальце. *Легализованный*, как ты любишь говорить. Уже прибегает к помощи закона, а не просто чистит супруге рожу. И при деньгах.

Оставил залог, не торгуясь. Даже не поморщился. Швырнул деньги на стол. Потребовал отчета за каждый день.

– Понятно, – вздохнул Алик и произнес сентенциозно: – Мы с тобой, Ши-Бон, ассенизаторы. Мир несовершенен, и нужно принимать его...

– Я не против быть ассенизатором, – с досадой перебил Шибаев. – Но с души воротит.

– Что еще? – строго спросил Алик. – В чем дело?

– А то, что замочит он ее в состоянии аффекта, а я пойду в свидетели – действительно, мол, был такой, обращался за помощью, очень переживал и желал знать истину. А ты его отмажешь. Или Пашка Рыдаев. Вам, брехунцам, лишь бы бабки.

– Я тебя умоляю! – Адвокат всплеснул руками. – Таких свидетелей у него как собак нерезаных. Любой дружбан почтет за честь. Можешь мне поверить, уж я-то посмотрелся. Не бери в голову. Покажи лучше женщину! Красивая хоть? – Алик пропустил мимо ушей упрек в отмажке преступников.

– Не знаю, не присматривался. Фотографии в портфеле.

Алик покопался в шибаевском портфеле, нашел снимки. Долго рассматривал. Потом сказал:

– Интересная. Нервная, тонко чувствующая личность.

– Тонко чувствующая личность не пошла бы замуж за Григорьева.

– Деньги, Ши-Бон, большое искушение, – Алик печально покачал головой. – Не суди и не судим будешь! Жизнь со-

ткана из компромиссов. Деньги – это комфорт, это, если хочешь, свобода. Не говоря уже о шмотках. Так что, кто без греха, давайте бросьте камнем. А ты, Сашок, понимаешь, прямо как... Марат или Робеспьер, честное слово! Будь проще!

– Да никого я не сужу! – резко сказал вдруг Шibaев, видимо, что-то из словес Алика все-таки до него доходило. – Я просто не хочу этим заниматься, понимаешь? Я виноват, дал слабину, получил по заслугам. Но сколько можно? Всю оставшуюся жизнь?

Понятно, что ж тут непонятного... Алик Дрючин замолчал и стал думать о том, что сейчас Шibaев злится и, наверное, сравнивает себя с Григорьевым, у которого есть работа, деньги и женщина, а у него нет ни первого, ни второго, ни третьего. И классово чуждый ему Григорьев отдает приказы, швыряет, не глядя, эти самые деньги и считает себя выше его во всех отношениях. В жизни много несправедливости, думал философски Алик. Иногда плата за ошибки бывает слишком высокой. Не за все, правда, тут же одернул он себя, а за те, которые не удалось скрыть. И в этом главная несправедливость – расплачиваются не за ошибки вообще, в принципе, а лишь за те, которые вылезли на поверхность по дурости или досадной случайности. Ему было жаль Ши-Бона – но что поделаешь? Из-за нелепого стечения обстоятельств, минуты слабости Ши-Бон взял эти проклятые деньги! А кто из нас не подвержен минутам слабо-

сти? И все. Крест на карьере. Спасибо, замяли. Грешат все, но не все попадают. Шибаеву не повезло. А жаль, потому что он, по мнению Алика, профессионал-сыскарь, и сыск – его призвание. Собакой-ищейкой он был, которую никто и ничто не собьет со взятого следа. Волкодавом. А для работы частного детектива нужна гибкость, которой у Шибаева не наблюдается. Гибкость и четкое понимание своего калибра. Знает Алик парочку частников, вполне довольных жизнью. А у Шибаева калибр другой, и понимание этого заставляет его презирать и работу, и клиентов. Ему бы сейчас красивое убийство, серийного маньяка, хищения в особо крупных размерах – хорошо бы из музея! Щелкнул бы, как орех. Алик вздыхает. Шибаев напоминает ему волка, который хочет мяса, а приходится жрать траву, потому что ничего другого нет. И жена бросила, Вера, которую Алик побаивается, но тем не менее восхищается, хотя сам бы рванул от такой как черт от ладана. Сильная личность, верховный главнокомандующий, генералиссимус. А женщина должна быть слабой и нежной, считает идеалист Алик. А если не слабая и не нежная, то пусть хотя бы притворяется таковой – трудно, что ли? И всем приятно. Вера, удрученная хилыми заработками и ненормированным рабочим днем мужа, пыталась устроить его на доходное место, в охрану, кажется, убеждала, требовала, спорила, а он ни в какую.

И тут еще эта история с подругой детства... Подумаешь, несчастная любовь! А кто сказал, что любовь непременно

должна быть счастливой? По теории вероятности пятьдесят на пятьдесят. Пятьдесят счастливых на пятьдесят несчастных. Вот у него, Алика, почти все любви несчастные, ну и что? Вешаться теперь из-за этого? Беда Сашки в сильном характере, думает Алик. Кремень, однолюб, как вобьет себе в голову...

– А Плюто? – осторожно спросил он. Плюто, по прозвищу Гений Дзюдо, был в свое время тренером Шибаева по самбо и в силу обширных знакомств во всех сферах жизни и экономики помогал иногда ему с серьезными клиентами.

– В курсе, – ответил Шибаев. – Пока ничего.

– Если тебе нужны деньги... – ни с того ни с сего ляпнул Алик неожиданно для себя.

– Не нужны. Спасибо. Что там еще пишут?

– Где?

– Ну, в этой твоей, как ее... или его? «АРЮКСе»?

– Тебе действительно интересно?

– Интересно, – вздохнул Шибаев. – Еще как. Читай!

– «Средний возраст домашней мухи примерно один месяц», – прочитал Алик и замолчал. Читать дальше у него не хватило сил. Пишут всякую фигню, бумаги не жалко. Он снова взял в руки фотографии жены банкира Григорьева, у которой, как муж подозревал, имелся роман на стороне. Снимков было четыре – три цветных, каких-то школярских – на даче, в лесу, около газетного киоска. Ни ракурса, ни четкости, снято одноразовой «мыльницей», не иначе.

Раньше фотография была искусством, теперь стала доступной попсой. Хотя, тут же подумал Алик, справедливости ради нужно отметить, мастера еще есть. Есть! Немного, не так, как раньше, но имеются. Он сам в свое время, в бытность еще студентом... Алик задумался ностальгически. На антресолях в коробках из-под обуви полно старых фотографий – одна из «бывших» засунула их с глаз долой, ревновала, видите ли. А может, и вовсе выбросила. Надо бы проверить. Говорила, одни голые бабы на фото, разврат, караул! «Голые бабы»! Фи, как грубо! Не голые, а полураздетые. Акт. Господи, и ведь любил же ее! Даже гордился, что она *так* ревнует, дурак! И не заметил, что петля все туже и туже стягивает горло. Да, с ними глаз нужно держать остро. Не давать власти. Вот Ши-Бон, например, хоть и несчастлив в любви, а власти им не дает и на голову себе сесть не позволяет. Держит дистанцию и до разборок не унижается. Однажды, когда Вера уж очень сильно его достала, молча взял (не схватил, а спокойно взял!) туристический топорик и шарахнул через всю кухню в дверной косяк. Попал! До сих пор метка видна. Вера сказала: «Псих», – но на время отстала. Вот у кого надо поучиться. Алик покосился на друга. Тот по-прежнему лежал с закрытыми глазами. Не то уснул, не то переживает.

Четвертая фотография была черно-белой и самой удачной, с точки зрения Алика. Красивой эту Григорьеву... Кстати, как ее зовут? Он потянул к себе шибаевский портфель. Достал записную книжку, снова покосился на спящего. Тот

мирно сопел, даже всхрипнул вдруг. Алик раскрыл книжку на букве «Г». Григорьева... Григорьева... Есть! Ирина Сергеевна. Адрес, телефон, номер машины.

Да, красивой эту Ирину Сергеевну, пожалуй, не назовешь, но что-то в ней есть. Темные длинные волосы, выразительные темные глаза. Голова повернута чуть вбок, видно правое ухо и длинная серьга, чуть не до плеча. Выражение лица...

Алик затруднился в выборе слова, что с ним случилось редко, почти никогда. Не печальная, нет... Серьезная? Тоже нет. Задумавшаяся. Ушедшая в себя. Пожалуй. Ни намека на улыбку. Крупный рот сжат. Темное платье, черное, скорее всего. Единственное украшение – длинная, как подвеска, серьга. Не поймешь, золотая или серебряная и что за камешки. Для драгоценных крупноваты, пожалуй. Янтарь?

«Жертва!» – вдруг пришло Алику в голову. Брови взлет, не выщипанные, а свои, естественные, что довольно странно и говорит о... цельности? Рот без улыбки. Единственная серьга. Именно! Потому что единственная – вдруг осенило его. То есть их, разумеется, две, но видна только одна. А вот если бы были видны обе... Мысль вилась вьюном и не давалась. Как будто чего-то не хватает, вдруг сообразил Алик. Какая-то... *незавершенность*. Но именно эта незавершенность воспринимается естественнее, чем если бы их было две! Недосказанность. Даже намек... жертвенное ожидание? *Жертвенное ожидание развязки!* И трагичность в сжатых губах, во взгляде в никуда. Именно!

В Алике Дрючине увядал поэт – идеалист и декадент. Вообще существовало как бы два взаимоисключающих Алика – один трепетный и тонко чувствующий, а другой – адвокат, и эта двойственность его натуры приводила иногда к странным результатам. Например, будучи циником, он вдруг безумно влюблялся, причем в самых заурядных женщин, в которых на короткое время ему удавалось разглядеть королеву. Потом все становилось на свои места, и Алик шумно удивлялся, как он мог снова так промахнуться. И клялся Шибаеву, что в любовных комедиях он свою шутовскую роль отыграл на всю оставшуюся жизнь. А потом все повторялось сначала. Алику было легче, чем Шибаеву, – боль и разочарование он бурно выговаривал до дна, запивал коньяком или водкой, а потом, опустошенный и слегка нетрезвый, шарил взглядом в поисках новых приключений. А Шибаев молчал, стиснув зубы, душу не открывал. Алик, к своему разочарованию, так и не знал толком, что же произошло у него с Ингой в Нью-Йорке, и умирал от любопытства.

Он разлил в стаканы остатки водки, сунул пустую бутылку под стол. Позвал негромко: «Сашок!», но Шибаев не откликнулся. Алик прислонил фотографию женщины с одной серьгой к шибаевскому стакану. Кивнул ей и выпил залпом. Поморщился, крикнул не от неприятного ощущения, а, наоборот, ему стало хорошо! Шибаев, видимо, уснул. Женщина с фото пристально смотрела на Алика, и ему казалось, она просит его о чем-то, намекает, призывает...

Хотя Алик Дрючин и был циником в силу профессии, но где-то глубоко внутри сидела в нем чистая вера в некую *конечную справедливость*, не правосудия, нет, не людскую, а справедливость судьбы, что ли? Он не верил в Бога, то есть не верил в общепринятом смысле слова, но на самом деле допускал – *что-то*, возможно, есть... *где-то там*. Или *кто-то*, кто должен в конце концов разгрести всю эту грязь.

Каждый придумывает себе Бога в силу своего разумения, жизненного опыта, даже образования. Вера или скорее надежда Алика Дрючина на конечную справедливость и была его неосознанным Богом, хотя с точки зрения этого Бога-справедливости, был он, Дрючин, большим грешником. И теперь, глядя на женщину с одной серьгой, он думал, что... что... Мысль все вилась, струилась, как быстрый ручей, и не давалась.

– Ваше здоровье, Ирина Сергеевна, – пожелал ей сми-
рившийся с невозможностью додумать «струящуюся» мысль Алик. – И удачи вам!

Водка была вся выпита. Шибает спал. Алик, поколебавшись, взял его полный стакан. Прислонил фото к своему пустому. Выпил. Успел подумать еще, может, позвонить ей, предупредить о замыслах супруга? Но сон, усталость и алкоголь сморили его. Алик уронил голову на руки и тоже уснул...

Большой рыжий котяра возник на пороге комнаты внезапно, как привидение. Неторопливо подошел, бесшумно

вспрыгнул на стол. С достоинством доел остатки колбасы на тарелке. Понюхал спящего Алика, фыркнул презрительно. Старательно умылся, сидя на столе. Морда у него была вполне бандитская, правое ухо разорвано, а широкий нос в боевых шрамах. Звали кота Шпана, и был он, как однажды пошутил Дрючин, вроде того кота из сказки, который достался в наследство третьему сыну мельника. Вера, поделив имущество с бывшим мужем, отказалась забрать Шпану. И с тех пор двое сильных мужиков, Шибаев и его кот, мирно сосуществовали на единой территории, не наступая друг другу на горло, не воспитывая, не приставая с дурацкими претензиями. А о бантиках, декоративных ошейниках, звоночках и других идиотских бабских финтифлюшках вообще речи не было. Форточка на кухне открыта в любую погоду, зимой и летом. Шпана, нагулявшись, возвращается домой, ест что подворачивается под лапу, зализывает следы драк и заваливается спать на бугристом старом диване.

Закончив умываться, Шпана прыгнул со стола на диван, прошелся по животу Шибаева, пользуясь тем, что тот спал, притулился сбоку и тоже погрузился в сон...

Даже умиление брало при взгляде на них – хорошая мужская компания, холостяцкая, погуляли и честь знают. Ни скандала тебе, ни мордобоя...

Глава 2

Женщина

Роскошное бабье лето царствовало – яркое, солнечное, с сияющими синими небесами, пронизанное тонкими нитями невесомой паутины. Подарок природы перед долгой холодной зимой. Хотя какие сейчас зимы! Уже и не помнит никто настоящей зимы с морозами, снегами, буранами. Может, поэтому и народ стал похлипче, избаловался, вечно с насморком, гриппом, простудами.

Александр Шибаев сидел в засаде в сонном маленьком парке напротив дома банкира Григорьева. Ожидал его жену, заподозренную в супружеской измене. Деревья почти облетели, парк был тих и прозрачен. Уже случались утренние заморозки, и в траве сверкали капли растаявшего инея. Воздух был свеж, все в нем виделось резко, без летней знойной дымки. Улицы, дома, даже машины были чисто вымыты затяжными дождями, предшествовавшими бабьему лету.

Вчерашняя засада не увенчалась успехом. Ирина Сергеевна так и не вышла из дома. Шибаев позвонил по номеру домашнего телефона, оставленному Григорьевым, предполагая, что мог просмотреть ее. Она ответила, и он назвал первое попавшееся имя. Ирина сказала, что он ошибся, и положила трубку. В том, что это она, сомнений у Шибаева

не возникло – Григорьев сказал, что домработницы не держит. Зачем, если жена не работает? Это показалось странным Шибаеву, знавшему, что бывают домработницы и при неработающих женах, были б деньги, а Григорьев производил впечатление человека с деньгами. Не говорил ли факт отсутствия домработницы о натянутых отношениях в семье? Или о скупости Григорьева? Хотя это с равной долей справедливости могло говорить и о других вещах. Например, о том, что хозяйка любит пылесосить и готовить. Бывает и такое, разве нет? Или вообще ни о чем не говорить.

Он рассеянно скользил взглядом по улице, чувствуя себя не в своей тарелке то ли из-за ночи, проведенной на старом диване, то ли из-за вчерашних излишеств с Аликом – они выпили на двоих литровую бутылку «Абсолюта». А что, собственно, такое, литр водки для двоих крепких мужиков, если подумать? Ничего. Но если три дня подряд, то... чего. И головка бо-бо, как говорит адвокат Дрючин. И в сон клонит, и бок до сих пор чувствует диванную пружину. Давно пора выбросить эту рухлядь, стыдно, если кто зайдет. Может быть, зайдет. Когда-нибудь.

Шибаев едва не пропустил ее. Ирину Сергеевну Григорьеву. Она вышла из подъезда, постояла на тротуаре, словно раздумывая, куда направиться. Взглянула на небо. Фотография ничего не говорила о ее росте. Ирина Сергеевна имела рост высокий, да еще и каблуки добавляли. Белое широкое пальто, стоячий ворот белого свитера, коричневая сумка че-

рез плечо. Длинные волосы собраны в пучок и связаны черной бархатной лентой. Она сунула руки в карманы и пошла к центру города гуляющей походкой человека, которому идти, во-первых, не к спеху, а во-вторых, и вовсе некуда. Рассеянной походкой, если походка может быть рассеянной. Надолго застывала у витрин, рассматривая с равным вниманием платья, цветы, белье, коробки с конфетами, кастрюли и пылесосы.

Зашла в кафе «Белая сова». Прошла к свободному столику в глубине, села. Видимо, бывала здесь раньше. «Белая сова» – это ночной клуб, но днем работает как кафе, и кофе здесь очень хорош. Шибаев подумал, что там ее уже поджидает друг. Вот и все, что требовалось доказать. Счетчик включится, и время пойдет. Но он ошибся. Ее там никто не ждал. Она заказала кофе и пирожное. Положила в чашку сахар, попробовала с ложечки, сморщив нос – горячо! Положила еще. Шибаев не понимал женщин, которые не кладут сахар в кофе, и считал, что здесь больше позы, чем заботы о фигуре. Вера, бывшая жена, в один прекрасный момент тоже перестала потреблять сахар, что его почему-то раздражало. Она с удовольствием вскрикивала – ах, нет-нет, мне без сахара, когда они бывали в гостях, чем вызывала дурацкое восхищение и дурацкие вопросы. Он же из-за духа противоречия высыпал себе в чашку полсахарницы, а потом не мог пить получившийся сироп. При всем при том чай он пил все-таки без сахара – прочитал где-то, что сахар убивает его це-

лебные свойства.

Он тоже заказал кофе и бутерброд с копченым мясом. Ирина копалась в сумке, доставая что-то. Сейчас позвонит, догадался Шibaев. Но снова ошибся. Мобильника из сумки не последовало, а последовал блокнот. Она пролиستала его, нашла чистую страницу и стала что-то писать. Не забывала при этом отпивать кофе и откусывать от пирожного. Иногда застывала надолго, задумавшись. Похоже, сочиняла стихи. Или составляла список продуктов к обеду.

Они просидели так полтора часа. Шibaев выпил три чашки кофе и съел три бутерброда. Его душа требовала динамики, но динамики не было. А была сплошная стагнация, как говорит Алик Дрючин. Наконец женщина поднялась. Наде- ла пальто, небрежно брошенное на соседний стул, поправи- ла волосы. Шibaев отвел взгляд, когда она проходила мимо. Выждал пару минут и тоже вышел.

Еще около часа они гуляли по улицам. Потом сидели в го- родском парке. Потом покупали виноград. Снова сидели, на сей раз на набережной, глядя на проплывающие пароходы и катера. Небо отражалось в речной воде, и она стала ярко-си- ней. Было необычно тепло для конца октября. Пароходики гудели басом, катера поднимали волну. Кричали дети на иг- ровой площадке рядом, мальчишки гоняли на велосипедах и роликах. А она все сидела. Шibaев подумал, что ей не хо- чется домой. Потом она купила булочку с повидлом у тетки с тележкой. Ела, наклонившись вперед, чтобы не обсыпаться

сахарной пудрой. И наконец около пяти вечера, когда стало уже свежеть и загорелось малиной небо на западе, она пошла домой. Причем забыла на скамейке пакет с виноградом. Шibaев чуть было не окликнул ее, но сдержался. И с чувством облегчения проводил до дома. В окнах квартиры горел свет – значит, банкир Григорьев уже дома. Можно считать, что дежурство он, Шibaев, сдал, а тот принял. Рановато что-то банкир сегодня. Соскучился по семейному уюту, не иначе...

* * *

Оперативная часть дня закончилась, и Шibaев отправился в «офис», который делил с адвокатом Дрючиным. Алик был еще там, как всегда элегантный, в дорогом костюме и красивом галстуке, чем выгодно отличался от одетого в старую куртку и джинсы Шibaева. Благоухал туалетной водой. С точки зрения Шibaева, Алик слишком уж увлекался парфюмерией и от него всегда несло, как от дешевой шлюхи. Однажды Александр так ему и сказал, на что Алик хладнокровно заметил, что хороший адвокат и есть дорогая шлюха. Ценится за опыт, доступен, но дорог.

Физиономия у Алика была помятая и серая не то от усталости, не то от вчерашних возлияний. И щетина вечерняя уже пробивалась, усиливая общую серость. При виде Шibaева он обрадовался и спросил:

– Ну, как?

– Никак, – ответил Шибаев, валясь в кожаное кресло, подаренное Алику однажды благодарным клиентом, владельцем мебельной фабрики. В отличие от Дрючина выглядел он прекрасно – посвежел на воздухе и даже слегка подзагорел на нежарком осеннем солнце.

– Что Ирина Сергеевна? – уточнил Алик, сгоравший от любопытства.

– Ничего. Гуляли по городу, сидели в парке, смотрели на реку.

– А... общее впечатление?

– Черт ее знает, – искренне ответил Шибаев. – По лавкам не ходила, знакомых не встречала, бродила без цели. Даже не звонила никому. Можешь представить себе женщину, которая за весь день ни разу не позвонила по мобильнику? Я даже не уверен, что он у нее есть.

– То есть ты хочешь сказать, что наличие любовника предполагает хоть какой-то интерес к жизни, а в ней такого интереса ты не заметил, так?

– Складно излагаешь. Не заметил. Пустота.

– Ты знаешь, Ши-Бон, я сразу понял, что она какая-то нестандартная. И эта одна серьга...

– Почему одна? – удивился Шибаев. – Две. Длинные такие.

– Янтарные?

– Не похоже. Вроде разноцветные стекляшки. Я сделал

фотографии.

Следующие полчаса они рассматривали на экране компьютера фотографии женщины. В «Белой сове» за кофе, с блокнотом. «Что, интересно, она пишет?» – бросил Алик в никуда. У витрины магазина. В парке на скамейке. Ирина Сергеевна сидела с закрытыми глазами, запрокинув голову, подставив лицо нежаркому солнцу. Загорала. На этой Алик задержался дольше всех. На следующей фотографии она сидела на скамейке на набережной. Смотрела на реку. Потом ела булочку с повидлом – сахарная пудра на щеке и подбородке.

– Да... – разочарованно протянул Алик, ожидавший интриги. – Какая-то она... Неужели у нее нет подруг? Какая-то неприкаянная. Смотри, ни разу не улыбнулась, лицо спокойное, никаких эмоций... Все по фигу.

– Ага, – согласился Шибаев.

– И серьги действительно похожи на стекляшки. Я думал, янтарь. Причем разноцветные. И не золото...

– Но смотрятся ничего, красиво – заметил Шибаев. – Она высокая...

– А пальто шикарное, и сумка. – Алик был неравнодушен и к красивой одежде. – Волосы шикарные! Крашенная?

– Ты еще спроси насчет парика, – буркнул Шибаев. – Откуда я знаю?

– Художница... – сказал вдруг Алик.

– Кто?

– Твоя Ирина Сергеевна.

– Почему художница? – не понял Шибаев, решивший, что Алик передает общее впечатление от нее, что-то, видимо, рассмотрел такое... художественное. Так иногда говорят – ну, дает, ну, артистка! Ну, художница!

– Она художница, – повторил Алик. – В прошлом, до замужества.

Шибаев воззрился на приятеля. Алик, изогнув бровь, улыбнулся неуверенно. Кашлянул и сказал, не глядя на него:

– Я тут пробил по своим каналам этого Григорьева.

– Ну и?..

– Действительно, есть такой. Банк «Народный кредит». Их там двое, совладельцев, Григорьев и еще один, некий Воробьев. Начинали втроем, но третий погиб три года назад в автокатастрофе – слетел с моста в реку. Экспертиза установила, что он был пьян. Ходили слухи, что это заказуха, но доказать ничего не удалось. Он был в машине один, упившийся в хлам, и никаких тебе выведенных из строя тормозов или взрывчатки. Ехал на дачу. Дорога была скользкая, шел мокрый снег. Пробил ограждение моста и слетел. Был свидетель, который и позвонил в милицию. Партнеры – Григорьев и Воробьев – вскоре выкупили у вдовы его долю и партнерствуют до сих пор.

– С чего вдруг стал выяснять? – спросил Шибаев, ухмыляясь. – Женщина понравилась?

– Ну, как тебе сказать... – проямлил Алик. – Понрави-

лась, наверное. Что-то в ней есть такое... – Он посмотрел на потолок. – ...Необычное. – Помолчал немного и сказал: – Они женаты восемь лет. Детей нет. Брак не особенно удачный, но наверняка никто ничего не знает. Григорьев грубый, жесткий, напористый мужик, «прет, как дикий кабан», по выражению моего... источника. Не столько умный, сколько хитрый, силен смекалкой. Источник уверен, что Григорьев приложил руку к автокатастрофе, потому как способен на все. И женщины у него постоянно, причем он даже особенно не прячется. Хозяин жизни. Жена в тени, на людях они вместе почти не бывают...

Некоторое время они сидели молча, глядя друг на друга. Шибаев наконец пожал плечами – видимо, Алику уже видел себя знаменитым адвокатом, героем криминального романа, а клиентку – несчастной жертвой преступного мужа.

– Ты там осторожнее действуй, – попросил Алику. – Будь начеку. Мне кажется, он действительно что-то задумал. Хитрая скотина!

Шибаев снова пожал плечами, но промолчал. В отличие от Алики он не думал, будто хитрая скотина Григорьев что-то задумал. Вчера брякнул так с досады, от жизненного разочарования, уж очень морда несимпатичная у этого Григорьева. Хамская морда, можно сказать. Но таких много, и необязательно все убийцы. Обычное дело. Реальная действительность, и в результате грязный бракоразводный процесс, выкручивание рук, обливание друг друга помоями. Алику хо-

роший мужик и опытный адвокат, но его иногда заносит, особенно в отношениях с женщинами. Какой-то нездоровый идеализм невесть откуда берется.

Шibaев так же молча отобрал пять снимков. Потом отстукал «оперативную сводку». Перечитал, вложил в конверт, надписал.

Из «офиса» они вышли вместе, и всю дорогу Алик болтал о любви, одиночестве, даже стихи читал. Шibaев слушал вполуха, ему хотелось спать – давал себя знать день, проведенный на свежем воздухе.

Дрючин все бубнил про Ирину, и Шibaев подумал, что это неспроста. Год назад у Алика случилась очередная несчастная любовь, он плакался ему в жилетку и кричал, что никогда! ни за что! чтоб ему провалиться на этом самом месте, пусть он будет трижды проклят, если когда-нибудь опять, в обозримом будущем!

Был в той истории и положительный момент – они не поженились официально, а потому обошлось без изнурительного судебного марафона.

И вот, похоже, рецидив. Тоска в глазах, трепливість, стихи о любви, долгое изучение фотографий женщины с одной серьгой. Снова глупая надежда воспаряет, побеждая опыт и здравый смысл.

...Клиент был придирчив. Клиент был высокомерен, самоуверен, шикарно одет – эдакий хозяин жизни, оседлавший удачу, а кроме того, с маникюром. Знала Рокся эту породу – надувают щеки, все им не то, все им не так. Она с улыбкой выслушивала занудные замечания и пожелания, мягко, без нажима объясняла достоинства квартиры, приглашала полюбоваться видом из окна и время от времени повторяла, что такой товар – только для понимающего и знающего толк человека. Не очень тонкая лесть, но, как правило, действует. Все считают себя понимающими и знающими толк.

Клиент – господин Басов, вернувшийся на родину после долгого отсутствия, как он обронил вскользь, желал что-нибудь эдакое. Он шевелил пальцами в воздухе – солидное, в небольшом доме, упаси боже, не в этих навороченных новостройках, разумеется, в центре, желательно парк поблизости... и вообще!

Он исподтишка разглядывал брокера; она чувствовала его жадные взгляды, внутренне забавляясь. Она привыкла к тому, что представители сильного пола глупеют в ее присутствии.

«Хороша, – думал меж тем господин Басов, вдумчиво хмурясь и делая вид, что внимает ее словам и рассматривает вид из окна. – До чего же хороша, чертовка! Волосы,

как вороново крыло, глаза синие, чудо, чудо! А имя! Роксана... Прекрасное имя, под стать ей. Восточный колорит... всякие там серали, гаремы, наложницы... пряные, тонкие, чувственные удовольствия».

– Роксана... где тут у вас подают хороший кофе? – произнес он внезапно слегка осипшим голосом. – Выпьем по чашечке, обсудим наши дела.

«Наши дела» прозвучало интимно и многообещающе.

– Мне еще на работу, – сказала Роксана и улыбнулась уголками губ. Ответ вполне дипломатичный – ни да ни нет.

– Хотите, я позвоню вашему начальнику, что вы задержитесь?

Рокси рассмеялась. Нет!

...Они сидят за столиком почти пустого кафе. Мужчина вполне очарован и «распушил хвост», как называет это состояние Рокся. Рассказывает о своей картинной галерее, о тоске по родине, которая всегда здесь – он прикасается рукой к сердцу. Потом, словно невзначай, кладет ладонь на ее руку. Она нравится ему все больше и больше. Красива, прекрасно одета, безупречные манеры. Простой риелтор, кто бы мог подумать... Он невольно вздыхает, вспомнив о жене. У него скорое воображение, ему мнится уже красивая квартира где-нибудь в центре, шикарно обставленная и задрапированная, куда будет приходить эта девушка... Роксана. Ждать с нетерпением его приездов и являться к нему! Он будет часто звонить ей, из Германии, рассказывать о галерее,

о том, что безумно соскучился, безумно хочет видеть ее, готов все бросить к чертовой матери и лететь к ней немедленно. Он удивлен, даже поражен, так как считает себя рассудочным и выдержанным человеком, а тут такой внезапный эмоциональный всплеск! Такая... неистраченность чувств! Бывшая родина влияет, не иначе.

На лице Рокси скука, замаскированная приветливой улыбкой. Она видит господина Басова насквозь.

Глава 3

Мертвая зыбь

Следующий день оказался похож на предыдущий. Григорьева сидела на набережной, пока не пошел дождь. Тогда она неторопливо побрела домой. Зонта у нее не было. Волосы намокли, обвисли по плечам. Белое пальто потемнело. Она даже не пыталась остановить такси – двигалась как автомат. Шибаев долго стоял под деревом напротив ее дома, смотрел на окна. Благо дождь оказался несильным, так, водяная взвесь в воздухе. Скучно. Тоскливо. И желание – а не послать ли супругов куда подальше и не начать ли жизнь сначала, стучало в сердце Александра как пепел Клааса. Григорьева несколько раз подходила к окну, смотрела на мокрый парк. Неужели чувствует слежку, думал Шибаев, задвигаясь за дерево. Ему казалось, что она не знает, чем себя занять. Бесцельно бродит по квартире, точно так, как бесцельно бродила по парку и набережной. Ждет чего-то? Как сказал Алик – неприкаянная какая-то. И не похоже, что у нее кто-то есть. И уж явно она женщина не для Григорьева. Таким простым парням, как он, нравятся веселые и заводные, а в Ирине веселья мало. Шибаев вдруг подумал об Инге. Ничего общего между двумя этими женщинами нет: Инга – тонкая, светлая, радостная, а Григорьева – наоборот. Но есть, значит, что-то

общее, раз он вспомнил. Хотя, разве он не помнит и не думает о ней постоянно? И все еще надеется, дурак. Надеется неизвестно на что. На чудо. На «вдруг» надеется. Поразмыслив немного, Шибаев решил, что это, должно быть, оттого, что обе... растеряны. Инга была растеряна, металась между ним и... тем, и он, Шибаев, ее даже пожалел. И эта... нет, эта не мечется, но тоже растеряна. Инга все не могла принять решения. И эта, похоже, что-то решает. И не знает, как решить. Оттого и бродит – будто неприкаянная.

Шибаев поднял воротник куртки, почувствовав, что продрог. Было все еще довольно тепло, но сырость пронизывала до костей. Он прекрасно понимал, что все его домыслы, скорее всего, не имеют ничего общего с реальностью, но ведь нужно занять себя хоть чем-то, сидя в засаде. Григорьева снова подошла к окну, замерла, сложив руки на груди. Шибаев опять отодвинулся за дерево, хотя понимал, что увидеть его оттуда невозможно. Начинало смеркаться. Размытый мир погружался в туман и постепенно исчезал. Шибаев плюнул и решительно зашагал домой.

Адвокат Дрючин, разумеется, был тут как тут, сгорая от нетерпения. Выслушал скупой отчет Шибаева и, убедившись, что вина подозреваемой все еще не доказана, снова повторил, какая она, эта Григорьева, нестандартная и необыкновенная. Ирина Сергеевна. Шибаев внимал рассеянno, поминутно чихал, из носа текло. Алик отправился на кухню, где принялся шарить в холодильнике в поисках закуски, и

продолжал развивать все ту же тему. Шибает, не дождавшись его, уснул. Алик не умолкал и даже прочитал сонет Шекспира, свой любимый, чего Александр уже не слышал. Утомленный свежим воздухом и простуженный, он крепко спал. Разочарованный Алик потряс его за плечо, потом уселся за стол пить чай. Он принес с собой коньяк, но выпивать без друга не хотелось. Не пилося в одиночку.

Он задумчиво сжимал в руках приятно горячую кружку и снова рассматривал фотографии Григорьевой, воображая себе ее голос, смех, походку. Глуховатый негромкий голос, глуховатый негромкий смех. Художница. Источник не знал, в каком жанре, и Алик придумал, что она пишет пейзажи, немного мрачные, какие-нибудь развалины, заросшие кустами ежевики и шиповника, старые мрачные кладбища, покосившиеся кресты, тонко чувствует и... вообще. Видел он нечто подобное у одного немца... как его... Каспар... Черт, фамилию забыл. Каспар такой-то – он еще подумал, что художник с большим приветом. А сейчас вдруг вспомнил его почему-то – печаль в глазах Ирины Сергеевны навевала, не иначе. С такой женщиной хорошо бродить в дождь по городу или в лесу. Тут ему пришло в голову, что и в молодости он терпеть не мог бродить под дождем, какие прогулки в дождь? А теперь и подавно. А поэтический штамп остался – прогулки в дождь, запах дождя, шуршание мокрых листьев. Псевдоромантика, особенно в его зрелом возрасте. Другое дело – поужинать в хорошем ресторане, а после ужина, так и быть,

минут десять побродить, чтобы растряссти съеденное и выпитое, рассуждая о природе, горных лыжах, утренней пробежке по парку. И – домой!

* * *

На четвертый день слезки на сцене появилось новое действующее лицо. Подруга. Мелкая изящная блондинка. Женщины сидели за столиком на улице – день снова выдался удивительно мягкий, полный бледного предзимнего уже солнца. Пили вино, кофе, ели что-то, вернее, не столько ели, сколько ковырялись вилками в тарелках. Общались. Шибаев с безразличным видом вошел в кафе, уселся в глубине, не выпуская их из виду. Григорьева слушала, подруга говорила, размахивая вилкой, словно дирижировала. Потом вдруг расплакалась, но при этом болтать не перестала. Григорьева взяла ее за свободную руку, молча кивала, сочувствовала. Изредка скупно роняла слова. Казалось, она не столько слушает подругу, сколько прислушивается к голосам внутри себя.

В конце концов блондинка высказала все, что собиралась, перестала плакать и даже улыбнулась. Махнула рукой, словно хотела сказать: да гори оно все синим пламенем! Шибаев был уверен, что знает, о чем они беседуют. О любви, разумеется. О чем еще может говорить женщина, рыдая, размахивая вилкой, не забывая при этом поправлять прическу и провожать взглядом проходящих мужчин? Цена всем этим

любовным трагедиям, о которых кричат за бокалом вина, медный грош. Настоящая боль молчит, считал Шибаев. То есть он не выражал этого словами, но чувствовал именно так. Он был не прав, разумеется, так как подходил к женщинам с мужской меркой. Если мужчина не рыдает и не размахивает руками, то это не значит, что его чувство глубже и сильнее. Опять-таки разные мужчины бывают. Шибаев молчит, например, а у Алика Дрючина рот не закрывается. У всякого свой *психотип* – любимое словечко адвоката.

Женщины допили вино, заказали еще. И кофе. И пирожных. Григорьева – одно, блондинка – три, видимо, спасаясь от стресса. Потом они долго и шумно прощались, с объятиями и поцелуями. Блондинка остановила частника и весело упорхнула, помахав из окна машины рукой. К ней вернулось ее жизнелюбие – знал Шибаев таких: выговорится, выплачется – и снова весела, бежит по жизни вприпрыжку и радуется, *ловит день*. Григорьева, оставшись одна, посидела еще немного. Потом расплатилась и медленно пошла вдоль улицы, как никогда, выражая спиной, походкой, руками, засунутыми в карманы, что идти ей, собственно, некуда. Шибаев кожей почувствовал, как ей хреново, и, пожалуй, впервые посочувствовал. Ему и раньше приходилось заниматься подобным «сыском», но те персонажи были покрепче и сочувствия, как правило, не вызывали.

Она забрела в кинотеатр повторного фильма, помещавшийся в какой-то нечистой подворотне. Фильм был о люб-

ви, о чем же еще? Любовь – любимая (извините за тавтологию, так это, кажется, называется?) сказка человечества, особенно дамской его половины. Или иллюзия. И тут Григорьева наконец дала себе волю. Шибаев сидел наискосок и сзади и видел, как она вытирает носовым платком глаза. История на экране была банальна до оскомины. Девушка, больная лейкемией, и преуспевающий не то спортсмен, не то журналист, окруженный поклонницами. Красивый, уверенный в себе парень, которого угораздило влюбиться в больную. Кино устарело, в нем не было столь ценимой Шибавым динамики. Сцены затянуты, бьют на жалость, многозначительные паузы раздражают. Камера подолгу фиксировалась на отдельных частях лица – глазах, полных слез, полураскрытых горестно губах. К тому же лента черно-белая, какая-то беспросветная. Шибаев чувствовал досаду. Зал был почти пустой. Он насчитал восемь зрителей всего. Все – женщины. Он оказался единственным мужчиной среди немолодых шмыгающих носами неудачниц, явившихся на встречу со своей юностью. Под занавес его тоже забрало, особенно когда зарыдал главный герой, прощаясь с умирающей любимой. В глазах появилось жжение, и, разумеется, он снова пережил прощание с Ингой.

Григорьева шла домой, выбирая какие-то закоулки и проходные дворы, похоже, стеснялась заплаканного лица. Плечи ее поникли, она несколько раз споткнулась, видимо, продолжала плакать и не смотрела под ноги, даже уронила сумочку.

И Шибаев вдруг понял, что сделает *это*. Мысль, невнятная еще вчера, еще сегодня утром, на глазах приобретала форму. К черту Григорьеву! Он отчитается за проделанную работу, вернет ему фотографии и оставшиеся деньги и... пусть катится к такой-то матери. Его тошнило от бессмысленного хождения за женщиной, от дурацкого кино, дурацкой истории больной девушки и крутого журналиста, дурацкой и бессмысленной собственной жизни. Лучше мешки таскать. Надо будет зайти к Плюто и... нажать. Он на все согласен. Даже на такую работу, как в прошлом году в Нью-Йорке, вредную для здоровья. Все лучше, чем...

Он так увлекся планами на будущее, что упустил момент исчезновения Григорьевой. Только что она шла впереди, только что свернула в переулок, цокот каблуков еще стоял в ушах. И вдруг улица пуста и безлюдна. Шибаев остановился, озираясь. И услышал крик из подъезда грязного и мерзкого дома рядом. Подскочил в два прыжка к разболтанной двери, рванул ее на себя и влетел в вонючее парадное. Двое ублюдков рвали белое пальто и сумочку Григорьевой и в то же время тащили ее под лестницу. Один отжимал ногой дверь в подвал и, заводя себя и товарища, матерясь, косноязычно рассказывал, что он собирается с ней сделать и как. Сначала он, потом кореш Колян, который ему дороже родного брата.

Шибаев с удовлетворением осознал, что именно этого ему не хватало для ощущения жизненной динамики. Он бросился в драку, как бросаются к любимой женщине – ослеп-

ленный, задыхаясь от возбуждения. Драка была страстной и недолгой. Он получил по физиономии, что привело его в ярость. Он знал, что убьет их. У одного из них оказался нож, которым бандит неосторожно размахивал перед носом Шибаева. Тот молотил их руками и ногами, чувствуя, как горячая кровь течет по лицу – подонок все-таки задел его ножом. Он добивал их на полу ногами и убил бы, но Григорьева, жавшаяся к стене, вдруг закричала:

– Не надо! Не надо!

Ее пронзительный крик заставил Шибаева опомниться. Дружбаны не шевелились. Одежда их была разорвана, лица залиты кровью.

– Пойдемте скорее, – умоляла Ирина Сергеевна. – Пожалуйста! Идемте!

Она схватила его за рукав куртки и потащила из подъезда. Он, не сопротивляясь, дал себя увести. После вспышки наступило отрезвление. Дрожали руки, колотилось сердце. Он уже не понимал, почему так яростно набросился на них. Убил бы, если бы не Григорьева. Мало ли сволочни на свете. Она продолжала торопливо тащить его, поминутно оглядываясь, сворачивала на незнакомые улицы. Потом вдруг остановилась, достала носовой платок и стала вытирать его окровавленное лицо. Платок был мокрый от слез, и Шибаев усмехнулся. Отвел ее руку и сказал: «Не надо».

Она все повторяла: «Пожалуйста, пожалуйста», а потом расплакалась. Трясла головой, всхлипывала, и длинные ее

серьги мотались из стороны в сторону. Теперь Шибаев мог рассмотреть их как следует. Три сверкающих камешка – темно-красный, сизый и темно-желтый, крупноватые для драгоценных, – были забраны в оправу тусклого белого металла. Слишком тусклого для серебра. Неужели платина, подумал Шибаев.

– Что это? – спросил он, дотрагиваясь до серьги. Она не поняла, взглянула вопросительно и испуганно. – Серьги, – объяснил он. – Что за камень?

– Сваровски, хрусталь...

– Красивые, – сказал Шибаев неожиданно. – Никогда таких не видел.

Они стояли друг против друга, молча, не зная, что говорить. Потом она показала рукой в глубь улицы:

– Это мой дом.

Шибаев не сообразил, что они находятся рядом с ее домом – подошли с обратной стороны.

– Пойдемте, – предложила она. – Вам нужно умыться.

– Не надо, – повторил он.

– Вы не можете идти в таком виде, у вас лицо в крови. Пожалуйста!

Шибаев не знал, как поступить. Дурацкая ситуация. Идти к ней он не может, но и болтаться по городу в таком виде тоже нельзя. Он скользнул взглядом по улице – у него мелькнула была мысль тормознуть первую попавшуюся машину, но вряд ли кто остановится, наоборот, при виде его сомни-

тельной физиономии поддадут газу.

– Пожалуйста, – повторила она, заглядывая ему в лицо. – Я не могу отпустить вас...

Все еще в раздумьях и сомнениях он позволил себя увести. Она торопилась, почти бежала, схватив его за руку.

– Это здесь, совсем близко, – повторяла она. – Сейчас умоетесь, посмотрим, что с вами... Может, «Скорую»?

– Не надо, – ответил он. – Царапина, ничего серьезного. – Тут он вспомнил, что собирался бросить банкира Григорьева, вернуть деньги и фотографии, и ему тотчас стало немного легче. Он уже был вроде как не при исполнении, а случайное лицо. И ничего не мешает ему умыться, а ей пригласить спасителя домой. Ему пришло в голову, что если бы он не оказался рядом, эти уроды затащили бы ее в подвал, и одному богу известно, что там с ней сделали бы. До сих пор он расценивал драку как свое личное дело, как нечто, случившееся лично с ним, почти забыв об ее участии. Она все заглядывала ему в лицо, и он заметил, что на щеке у нее синяк. И вдруг подумал, что она, наверное, испугалась. Что-то похожее на жалость шевельнулось в нем, и он сказал:

– Пошли.

Глава 4

К вопросу о профессиональной этике

Шибает рассматривал свою физиономию в зеркале. Ванная комната была воздушна и благоухала так, как его собственная ванная никогда не благоухала и вряд ли будет. Бесчисленное множество флаконов, баночек с кремом, большие и маленькие полотенца, пушистый коврик на полу. Бледно-голубая, раскрашенная под аквариум с желтыми и синими рыбками занавеска для душа. Матовые светильники. Здесь можно отдыхать душой и прятаться от несовершенства мира. «Художница», – вспомнил Шибает, с любопытством озираясь.

Царапина на лице уже перестала кровоточить, потемнела, и под правым глазом наливался сочный синяк. Он подумал: если бы не Григорьева, он убил бы тех двоих. Мысль была неприятной. То, что произошло в грязном подъезде, говорило о его озверении и состоянии души в целом. Он потерял голову – такое с ним бывало нечасто. Все случаи можно перечесть по пальцам. Последний раз это имело место в Нью-Йорке, когда он добрался до подонка по кличке Серый...

Дверь приоткрылась, и вошла Григорьева. Он вздрогнул и повернулся к ней. Она была в белом свитере и короткой чер-

ной юбке. На ногах – красные шелковые домашние туфли, расшитые райскими птицами.

– Дайте посмотрю. – Ирина приподнялась на цыпочки и взяла его лицо в ладони. Шibaев смутился. – Не видно, – сказала она, подталкивая его к краю ванны. – Сядьте!

И он послушно уселся, а она, стоя, стала рассматривать его лицо. Потрогала пальцем рану. Он украдкой взглядывал на нее, всякий раз сразу же отводя взгляд. От нее слабо пахло горьковатыми духами, пахли ее волосы, кожа, руки. Ему вдруг показалось, что рядом Инга. Женщина стояла так близко, что он ощущал ее тепло. Ее колено прикоснулось к его колену, и он дернулся, как от удара током, и отодвинулся. И тут же почувствовал себя глупо – похоже, что он удирает от нее.

– Я обработаю перекисью, – сказала она, не заметив его маневров. Или делая вид, что не заметила. – Будет щипать, чуть-чуть. Не бойтесь!

– Не буду, – пообещал он, но не выдержал, зашипел сквозь стиснутые зубы. Она подула на царапину, дыхание у нее было теплое.

– Как вас зовут? – спросила она вдруг, и Шibaев, не догадавшись соврать, назвал. – А меня Ирина. Спасибо, Саша, если бы не вы...

Он пробормотал что-то нечленораздельное.

– А хотите, можно смазать йодом, – предложила она. – Или зеленкой. – Шibaев хмыкнул, представив себя с раскра-

шенной физиономией. Действительно, художница. – Я пошутила, – засмеялась она. – Сейчас зеленкой уже никто не мажется. Я даже не знаю, есть ли она в продаже. У меня в аптеке...

Она, повернувшись к нему боком, подняла руки, раскрыла стенной шкафчик. Свитер на ее груди натянулся, локти замелькали у лица Шибаева. Он сглотнул невольно и отвел взгляд. Она достала маленький тюбик, принялась размазывать по его физиономии пахнущую аптекой мазь. Руки у нее были мягкие, и Шибаеву казалось, что она ласкает его. При этом она приговаривала:

– Ну вот... все в порядке... все будет в порядке... и никаких следов... красиво, а если останется... чуть-чуть... тоже красиво... мужественно, как ритуальный шрам. Все!

Она отступила, словно любясь своей работой, все еще держа его лицо в своих ладонях. Улыбаясь, смотрела ему в глаза. Шибаев побагровел. Фотография не передавала и сотой доли ее... как бы это сказать, затруднился Александр. Алик Дрючин сумел бы изобразить, а он нет. Ауры? Личности? Эманации? Что это такое, кстати? Нужно будет спросить у Алика. Слово почему-то пришло ему в голову. У нее красивые глаза... брови... свои, как отметил Алик. Хорошая улыбка. Темные, чуть с рыжинкой волосы, забранные черной бархатной лентой, как и в первый раз, когда он ее увидел. Некрашенные! Несколько седых ниточек на висках, что даже красиво. Нужно будет рассказать Алику. И длинные

сверкающие серьги с тремя кусочками хрусталя... как она назвала его? Сваровски. Где-то он слышал раньше это название... Продолговатые, красиво ограненные кристаллы – красно-дымчатый, сизый и темно-желтый, неяркие, тускловатые, подвижные. Шibaев, никогда не обращавший особого внимания на женские украшения, вдруг подумал, что серьги удивительно подходят ей. Ничего подобного он раньше не видел, так как по художественным салонам не ходил, но сразу понял, что вещь непростая. У его бывшей, Веры, были золотые кольца и кулоны с яркими розовыми и красными камнями, она любила «гарнитуры» – чтобы на пальцах, в ушах и на шее все было одинаково, видимо, подсознательно выражая этим свою страсть к порядку и основательности. У Инги маленькое платиновое колечко с бриллиантом на безымянном пальце. Она оцарапала ему плечо этим бриллиантом, до сих пор остался след, расстроилась, сорвала кольцо и швырнула на пол. Наверное, подарок *того*, уж очень она расстроилась. А на Григорьевой, кроме серег, никаких украшений. Даже обручального кольца нет.

Он невольно сравнивал Ирину со своими пассиями и ничего не мог с собой поделать, хотя всегда был уверен, что сравнивать женщин гиблое дело. Она все держала его лицо в своих ладонях. Смотрела пристально, серьезно, без улыбки, стояла неподвижно. Только серьги посверкивали, чуть раскачиваясь.

– Спасибо, – сказал он, и она тут же отняла руки. Он под-

нялся. Покосился на себя в зеркало. Красная полоса на щеке побледнела, синяк, наоборот, проявился и налился свинцом. Тоже блесстел, видимо, она не пожалела мази, есть такая, от синяков.

Он сразу двинул в прихожую, ему хотелось убраться отсюда как можно скорее. У него возникло чувство, что он, как неосторожная и глупая мышь, угодил в мышеловку. Для полноты картины не хватало, чтобы появился Григорьев. С клиентами драться ему еще не приходилось. Хотя, если придется, он с удовольствием... поговорит с ним. Ирина бесшумно пошла следом и неуверенно сказала ему в спину:

– Может... кофе? Или чай?

– Спасибо, я спешу. – Собственный голос ему не понравился, он откашлялся и добавил, чтобы сгладить отказ: – Меня ждут, как-нибудь в другой раз. – Получилось все так же грубо.

Она стояла молча, опираясь о дверной косяк, и лицо у нее стало такое... угасшее. Будто у нее отняли всякую надежду на счастливое будущее. И синяк на щеке... Она дотронулась до него и отдернула руку. Казалось, она только сейчас вспомнила, что с ней пришло.

Шibaев не терпел притворства, чуял его за версту, даже невинное, женское, оно было ему отвратительно и сбивало всякое настроение. Алик Дрючин называл это «большевизмом» и доказывал, что есть правила игры, а именно – в любви все притворяются и распускают хвост, кто больше,

кто меньше, всем хочется выглядеть лучше и значительнее. Мужчины врут про драки, деньги, карьеру, даже рыбалку, а женщины изображают влюбленность, восхищение и наивность. Закон природы. Не все, возражал ему Шибает. Я – нет. Не свисти, отвечал Алик, ты тоже. Возможно, *неосознанно*. Все до одного!

Вообще надо заметить, в вопросах любви между ними было много разногласий, но результат всегда оказывался одинаковым, что у одного, что у другого.

Григорьева не притворялась. Она как-то сразу угасла, будто ее выключили. Даже лицо потемнело. Стояла, опираясь плечом о дверной косяк, опустив руки. Не изображала обиды, не смотрела взглядом брошенной собаки, вообще не смотрела на Шибаета, но выглядела как человек, чей праздник закончился. Она даже покраснела от его отказа. Есть порода женщин, которые краснеют, если им отказать.

Шибает, понимая, что делает глупость, озабоченно поднес к глазам руку с часами, чтобы убедиться, что у него, *оказывается*, есть еще полчаса до важной встречи. Сказал:

– Кофе неплохо бы...

Он был неприятен самому себе, потому что отказ его уже выглядел как притворство, которого он так не терпел в других. Как набивание себе цены. Кроме того, налицо явная бесхребетность.

Она посветлела, рассмеялась и воскликнула:

– Я быстро! Ничего, если мы на кухне? – Взглянула во-

просительно, чутко готовая тут же переиграть, пригласить в гостиную, мелькни на его лице хоть тень недовольства.

— Нормально, — отозвался он. — Я люблю на кухне. Только кофе, ничего больше.

— Конечно, — ответила она. — У меня и нет ничего. Мужа нет, я и не готовлю.

Это прозвучало двусмысленно — то ли вообще мужа нет, то ли нет в данный момент. Шибаев не стал уточнять. Притворился, что не услышал. Но облегчение испытал.

Он выпил кофе, отказался от второй чашки. Ирина говорила о том, что стоят последние теплые дни — бабье лето, позднее в этом году. И скоро зима. По тому, как она это произнесла, Шибаев понял, что она ждет перемен, хотя бы в виде снега. И не подозревает о замыслах супруга и о том, что в ближайшем будущем перемен в ее жизни будет дальше некуда. Она говорила про Новый год, и в голосе ее звучала ностальгия по детству, когда все чисто, ясно и красиво. И мандарины под елкой. А Шибаев думал о Григорьеве, жлобе и хаме с несчитанными деньгами. Клиентов не выбирают, равно как некоторые другие вещи в жизни, оправдывался он, но все равно на душе было гадко, особенно в данный момент. Он вспоминал слова Григорьева о жене, воспринимая их сейчас уже по-другому — тогда она была абстракцией, сейчас — живым человеком. В словах банкира, в его тоне не было ревности, обиды, жажды мести, что вроде естественно для обманутого мужа, вдруг открывшего свой позор.

Страсти не было. А звучало нечто другое, с определением чего Шибаев затруднился. Нетерпение, пожалуй. Банковская деловитость. Казалось, Григорьеву известен заранее результат шибаевских усилий, он уже приговорил жену и никаких оправдательных приговоров не потерпит. Он знает, что она ему неверна, и жаждет доказательств. Бумаг с печатями. Вещдоков. А Шибаев взялся ему эти вещдоки предоставить. За деньги, потому что работа у него такая.

Он пил кофе, поминутно взглядывал на Ирину Сергеевну и безуспешно пытался поставить ее рядом с Григорьевым. Она улыбалась, всплескивала руками, говорила возбужденно и чуть истерично, пребывая в состоянии эйфории после пережитого шока. Сверкали глаза, сверкали длинные серьги. Классическая постдраматическая реакция. Она несколько не напоминала Шибаеву сдержанную черно-белую женщину с фотографии.

Он отклонялся наконец. Она сказала:

– Спасибо, – и, кажется, собралась заплакать. Тоже классика. Сначала возбуждение, потом слезы. Шибаев видел ее в истерике где-нибудь на тахте или на широкой супружеской постели. Она рыдает, захлебываясь слезами. Рыдает всласть, громко, колотя кулачками в подушку. И никого рядом. Рыдать в одиночку примерно то же самое, что и напиваться в одиночку. Последнее дело, но иногда жизнь и обстоятельства прижмут так, что терпеть выше человеческих сил...

Спускаясь в лифте, Шибаев подумал, что она не любит

мужа. Такая женщина не может любить Григорьеву. Тут скорее вопрос – любила ли?

Он шагал по улице, вспоминая ее слова, темные с рыжиной волосы и покачивающиеся длинные серьги, вдруг высверкивающие от ее движений тускло-красным, тускло-сизым и тускло-желтым огнем. И пушок на верхней губе Ирины Сергеевны вспоминал Шибаев. И теплые ее руки. И смех. А также старинный буфет с окошечками и блеклыми картинками с фруктами и овощами на кухне. И громадную керамическую с потеками глазури бурую вазу с красными яблоками – из дизайнерских, не иначе, и запах и вкус кофе.

В общем, Шибаеву стало абсолютно ясно, что совершил он глупость, позволив Григорьевой затащить его к себе. Надо было распрощаться на улице, не знакомиться и не вступать в личные отношения. И кофе не пить, и физиономию не подставлять. Когда он уходил, из двери напротив высунулось сморщенное личико старухи, из тех, что на посту днем и ночью, поздоровалось сладко с Григорьевой и облило его рентгеновским взглядом. Свидетельница.

Что глупость, то глупость, не поспоришь. Но, странное дело, он об этом несколько не жалел.

Ирина Сергеевна Григорьева, вопреки шибаевским прогнозам, не разразилась бурными рыданиями, не стала бить кулачками в подушку, а, сбросив красные атласные туфли, тихонько улеглась поверх богатого покрывала на широкой

супружеской кровати. Закинула руки за голову, уставилась невидящим взглядом в потолок и задумалась безрадостно. И заплакала. И плакала с неподвижным лицом, не всхлипывая, не вытирая слез, давая им сбегать по вискам и пропадать в пышных выющихся волосах, как раз в том месте, где уже пробились первые седые нитки...

Глава 5

Самокопание, а также острое недовольство жизненными обстоятельствами

— Браки вымирают, как динозавры, — глубокомысленно заметил адвокат Дрючин. Он-то уж знал это наверняка, кормясь бракоразводными делами. Да и собственных браков и разводов, выпавших на его долю, тоже хватало. Правда, перенес он их достаточно легко (в отличие от Шибаева, выстрадавшего и брак, и развод и теперь очень скучавшего по сыну) — только крику было много, детьми не обзавелся, и хоть зарекался на будущее, но по прошествии недолгого времени созревал для новых прекрасных отношений. Был он человек впечатлительный, романтичный и влюбчивый, даром что пьяница. Задеть его воображение было раз плюнуть даже женщине гораздо менее интересной, чем Григорьева с ее одной серьгой. Пытаясь замести следы и непринужденно подтолкнуть Шибаева к разговору о ней, он выдал сентенцию о браках, вымирающих, как динозавры. Шибаев, к его разочарованию, промолчал. Он лежал на своем раздолбанном диване, свет в комнате не горел, и Алик не заметил синяков и царапин на его лице. Был Шибаев смурен и молчалив.

– Ну как? – предпринял Алик еще одну попытку. – Что наша Григорьева?

– Ничего, – буркнул Александр. – Нормально.

– Темно тут у тебя, – заметил Алик и включил свет. Наткнулся взглядом на лицо приятеля и воскликнул: – О господи! Что это с тобой?

Шибает пожал плечами. Оттого что он проделал это лежа, жест получился очень выразительным.

– Как это? – не понял Алик и выстрелил наугад: – Это... Григорьев? – И было непонятно, почему он вспомнил о банке, – видимо, подсознательно уже связывал с ним возможные неприятности.

И снова Шибает пожал плечами.

– Да скажи ты хоть что-нибудь! – завокнулся Алик.

– На нее напали, – неохотно молвил Шибает. – Ну и... вот.

– На Григорьеву? – поразился Алик. – Кто?

– Откуда я знаю, кто. Какие-то алкаши.

– И что?

– Затащили в подъезд, вырвали сумку...

– Ты их?..

– Замочил обоих.

Алик помолчал, переваривая новость. Испытующе смотрел на приятеля. Поверил, кажется, и спросил осторожно:

– Свидетели были?

– Нет вроде. А может, и были. Не видел.

– А Григорьева?

– Жива.

– А... как ты?

– Нормально, – ответил так же лаконично Шибаев. Он видел, что Алик помирает от любопытства, и ощущал странное чувство удовлетворения, испытывая терпение адвоката.

– А Григорьева? – снова спросил Алик. – Она... что?

– Ну, что... благодарила за спасение, рыдала.

– Ты с ней познакомился?

– Пришлось.

– И что было потом?

– Потом... – Шибаев задумался. – Потом мы с ней... как тебе сказать...

– Что?! – выдохнул Алик.

– Она пригласила меня к себе, и мне показалось неудобным отказаться.

– Ты был у нее дома?

– Был.

– И что?

– И ничего. Она замазала мне царапины какой-то дрянью... – Шибаев запнулся, вспомнив теплые ладони на своем лице.

– А потом? – ревниво спросил Алик.

– Потом я ушел.

– И... все? – не поверил адвокат.

– Ну, в общем, все.

– И как она?

– Никак. Женщина как женщина. С двумя серьгами. Кстати, они из хрусталя.

– И что теперь?

– И что теперь? – повторил Шибаев.

– А как же Григорьев?

– Пошлю я твоего Григорьева... подальше.

– Она тебе понравилась? – спросил Алик, прозревая истину.

– Не знаю.

– Ты будешь ей звонить?

– Нет. А ты, если хочешь, позвони. Скажи, что ты мой адвокат. На всякий случай, а то вдруг эти уроды подадут в суд.

– Ты же их замочил!

– Ну, их наследники. Ты ведешь дела о наследстве?

– Тебе все шуточки... – буркнул Алик Дрючин и задумался. Его интересовали подробности драки, квартира Григорьевой, то, как она перенесла нападение, что сказала, какими именно словами выразила свои чувства, что нападавшие успели с ней сделать – ну, травмы там, синяки... Одним словом, любая мелочь. Но он видел, что его друг неизвестно по какой причине не в настроении и делиться деталями не расположен. Хотя почему неизвестно? Известно. Вон физиономия какая... разукрашенная. Алик невольно вспомнил шибаевского кота Шпану, украшенного боевыми шрамами с кончика носа до пяток, если они у него имеются, и

подумал, что между этими двумя много общего и самое главное – оба крутые мужики, постоянно ввязывающиеся в коллизии. Правду говорят, что животное перенимает нрав хозяина. Или наоборот.

– Ты решил ему отказать? – спросил он.

– Я уже сказал.

– Слушай, а что, если это он?

– В каком смысле? – не понял Шibaев.

– В смысле, хотел ее устранить!

Шibaев даже отвечать не стал на такой дурацкий вопрос. Банкир Григорьев был неприятным типом, но отнюдь не дураком, и приди ему в голову мысль устранить жену, сообразил бы что-нибудь похитрее. Например, падение с моста.

Алик на время оставил детектива в покое и отправился на кухню готовить ужин. Доставая разнокалиберные тарелки и раскладывая на них принесенные закуски, он пытался представить себе Григорьеву в интерьере собственного дома (интересно, есть ли там ее картины?), испытывая при этом легкие грусть и сожаление, что все это приключилось с Шibaевым, а не с ним. А Ши-Бон явно чего-то недоговаривает. Женщины, как известно, не приглашают к себе домой, чтобы показать вид из окна...

А детектив в это время лежал на диване, переживая приступ острого недовольства собой оттого, что не мог перестать думать о Григорьевой. Как дешевая шляха, думал он, за ласковый взгляд, улыбку, теплые ладони готов бежать на

край света. Он потрогал щеку. Дурак! Не стоило идти к ней, не стоило принимать ее заботу, ничего не нужно было. В то же время он понимал, что по-другому произойти и не могло, случай и обстоятельства сплелись таким образом, что ему пришлось подчиниться. Именно! Подчиниться. Ему показалось, он нащупал наконец причину своего недовольства – его вынудили подчиниться, ему не оставили выбора, он пошел на поводу и... и... вообще. А что, собственно, вообще? О чем сыр-бор? Спас женщину, пил с ней кофе, что не так? Какие претензии? Чутье, редко подводившее Шибаева, ощутимо посылало сигналы тревоги, мигало красной лампочкой, но зацепиться было не за что.

В разгар самокопания появился Алик и позвал его на кухню ужинать. Шибаев, почувствовав здоровый голод, с облегчением покинул осточертевший диван.

Они сидели на спартанской шибаевской кухне, и после третьей рюмки Алик задал свой главный вопрос:

– Как она тебе?

Александр только кивнул с набитым ртом – нормально, мол. Другого ответа у него просто не было. Прожевав, он вдруг спросил:

– Что такое «эманация»?

* * *

...Он летал по квартире, накрывая на стол. Не забывая

мельком взглядывать на себя в зеркало, чтобы лишний раз убедиться, что все в порядке. Тонкий, гибкий, похожий на подростка, с сияющими, полными ожидания глазами. Если не присматриваться, не видны сухие лучики, расходящиеся веером от уголков глаз и губ. Ему всегда шел черный цвет. Любимый черный шелковый свитерок, нежная белая кожа в вырезе, серебряный крестик на недлинной цепочке. Светлые тонкие прямые волосы, небрежно брошенные за уши, бледные руки, которые помнят...

От слабости в ногах он опустился на стул, потрогал крестик, которому придавал чуть ли не мистическое значение как символу тайны.

Из распахнутого окна тянет дождем и ранними сумерками. В комнате почти темно. На противоположных концах простого непокрытого скатертью деревянного стола два старинных серебряных подсвечника с длинными желтыми свечами. Сочетание грубых, потемневших от времени досок стола и ювелирной работы подсвечников бьет в глаза чарующим несообразием, в котором чувствуется подлинный артистизм. Сине-белый фарфор тарелок, тяжелый тусклый мельхиор вилок и ножей. Хрустальный караф² с красным бордо, их любимым вином. Низкие хрустальные рюмки с монаршей короной. В прозрачной прямоугольной вазе в центре небрежные веточки желтых орхидей. Орхидея – их цветок. Он учился *дизайну* у друга, захлеб впитывая его ме-

² Графин (от *carafe* – *франц.*).

тоды, вкусы, пристрастия, внимание к деталям, их сочетаемости и цвету, и сейчас, полный томительного ожидания, вкладывал душу в убранство стола, комнат, спальни. На подушке в спальне лежит желтая орхидея, на богатом атласном желто-золотом покрывале – вишневый шелковый халат, на одноногом столике – шандал с тремя свечами и крохотная круглая шкатулка лиможского фарфора – голубые васильки в золотых ромбах на белом. В шкатулке – легкая белая пудра, пьяное зелье...

Он многому научился у *него*, назначив себя любимым и преданным учеником. Преданным и любимым... навсегда. Ничего не прошло, ничто не забылось. Внезапно его осеняет, что «преданный» можно читать по-разному. *Преданный* ученик и... *преданный* ученик. Он замирает на миг, пораженный открывшимся невольным смыслом. Невольным и несообразным – привычнее нашему уху звучало бы «преданный учитель». Чаше предают те, кто моложе, жаднее к жизни и ее разнообразию, кто привык получать. Те, кого любят. Чаше, но не всегда...

Замирает... и летит дальше. От волнения у него меркнет в глазах, сердце колотится в груди то справа, то слева, то в горле, готовое выпорхнуть на волю. Он летает по комнатам, кружась, полный возбуждения, заранее пьяный, хотя красное, почти черное вино в карафе не тронут. У него мелькнула мысль налить себе чуть-чуть, чтобы унять волнение, но он отмел ее как предательскую.

Едва слышная музыка, любимая музыка его. Вскрики саксофона, от которых он вздрагивает в нервном ознобе. Бенни Гудмен. Он равнодушен к джазу, но *тот* его любит. Бенни Гудмен, орхидеи, свечи... диссонанс, больше подошла бы классика, семнадцатый век, плоский, блямкающий, наивный звук клавесина. Но сакс в отличие от классики заводит.

Он раскрывает дверь на балкон. Взметнулись тяжелые драпировки, рванувшийся в комнату запах мокрой травы сразу вытеснил запахи еды.

Взгляд его поминутно возвращается к высоким часам в углу. Часы начинают бить. Десять. *Тот* всегда был точен. Часы бьют неторопливо, размеренно, звук провожает его в прихожую. Он стоит у двери – замер, прислушиваясь, дыша глубоко, чтобы унять нетерпеливое биение сердца. Сейчас, сию минуту раздастся звонок! Он распахнет дверь, дрожащие пальцы с трудом справятся с замками...

Глава 6

Трясина

Шибает неторопливо шел на свидание с сыном Павликом, у которого теперь было двое отцов – просто папа и папа Славик, бизнесмен. По уговору с бывшей женой каждое воскресенье Шибает забирает маленького человечка, и они отправлялись куда глаза глядят. Глаза глядели в разные стороны – то в сторону зоопарка, то парка с автодромом, то кино. А по дороге то и дело попадались будки с мороженым, кока-колой и серебряными шарами на нитке, которые так и рвались улететь. В общем, многое можно успеть, если не торопиться, если тебя не понукают ежесекундно и не дергают за руку с криками: «Быстрее! Опаздываем! Не смотри по сторонам!» А куда смотри? Смотри под ноги. Сказать малышу, не смотри по сторонам, а смотри под ноги – это все равно что попытаться загасить божественный огонь творчества и любопытства к миру и его устройству. Отец и сын никогда никуда не торопились, смотрели по сторонам сколько влезет, стараясь ничего не пропустить. Под ноги не смотрели, а потому спотыкались на ровном месте и иногда падали. Но не ревели, вели себя по-мужски...

Шибает уже шел по площади, когда услышал хриплое забулдыжное: «Хеллоу, моторола! Хеллоу-у-у, хеллоу-у-у!»

Это подал голос его сотовый. Звонила Вера с сообщением, что прогулка отменяется – они всей семьей едут за город в гости к друзьям Славика. «Не могла раньше позвонить», – поинтересовался Шibaев. Вера, как будто только и ждала его замечания, причем довольно мирного, немедленно взорвалась упреками по поводу воскресных отношений отца с сыном, когда так называемый папа всю неделю не вспоминает о ребенке, а в воскресенье начинает качать права... и так далее. Упреки были несправедливы и просто глупы. Вера злилась, к гадалке не ходи, – Шibaев попросту попался ей под горячую руку. У нее всегда по утрам было сложное настроение, а тут еще, видимо, случилось что-то, что подлило масла в огонь. Александр не стал слушать и отключился, прекрасно при этом понимая, что нежелание общаться аукнется ему в будущем. Отключение человека, настроившегося на ссору, просто бесчеловечно. Это все равно как захлопнуть дверь перед его носом. Не обязан, сказал он себе. Не обязан, и точка.

Он бесцельно брел по полупустому городу – народ рванул на дачи, пользуясь прекрасным теплым днем, одним из последних, предзимних, – раздумывая, что делать дальше. Позвонить Алику Дрючину или отправиться прямиком в офис и привести в порядок бумаги. Одиночество превращает выходные дни в пытку, а одиноких людей – в неприкаянные тени. Воскресная депрессия – хворь, опасная тем, что часто продолжается всю последующую неделю.

Шibaев взвешивал «за» и «против», и даже в фигуре и походке его наметилось некое колебание. Он вздрогнул, услышав свое имя. Чья-то рука легла на его рукав, он оглянулся и увидел запыхавшуюся Григорьеву.

– Саша, – сказала она, с трудом переводя дыхание, – я бегу за вами уже пять кварталов, зову, а вы не слышите! Здравствуйте!

Шibaев, к своей досаде, вспыхнул скулами, от души надеясь, что она этого не заметила. Она, улыбаясь, смотрела на него, и в глазах ее светилась радость. Змейками шевелились знакомые разноцветные серьги.

– Я себя страшно ругала, я ведь даже не взяла ваш телефон!

Шibaев откашлялся, не зная, что сказать. Встреча оказалась некстати, он даже чертыхнулся про себя.

– Вы спешите? – спросила Григорьева, заглядывая ему в глаза. Она выглядела по-другому сейчас, моложе, в черных джинсах и зеленой стеганой курточке.

Александр выдавил из себя что-то маловразумительное. Он решительно не понимал, что с ним происходит, и вдруг ни с того ни с сего почувствовал досаду на Алика Дрючина с его бесконечным трепом о Григорьевой и дурацким к ней интересом, из-за которого он, Шibaев, теперь стоял столб столбом, не находя слов. Сложная связь между Аликом и Ириной мешала ему сослаться на спешку и слинять. Он упускал драгоценные мгновения и прекрасно понимал, что уйти

уже невозможно. Повторялась история с кофе у нее дома. Он снова попал под пресс неожиданной ситуации, не сумев (или не захотев) вовремя сориентироваться и вывернуться из-под него.

– А я иду за реку, – сообщила Ирина. – Позвонила приятельнице, она не может, едут на дачу листья убирать. А у вас есть дача?

– Есть, – вдруг сказал Шibaев, подумав о «хижине дяди Алика», как Инга называла рыбацкую развалюху на Магистерском озере. Строго говоря, хижина принадлежала Дрючину, но у Александра был «пожизненный» пропуск и разрешение появляться там в любое время дня и ночи.

– А что там растет? – спросила Григорьева.

– Трава, – ответил Шibaев, отмечая иррациональный характер беседы.

– Если вы не спешите... – неуверенно сказала она. – Если вы не спешите, мы могли бы пойти вместе. Последний теплый день, теперь уже до весны. За рекой хорошо, я часто хожу туда летом. Пошли?

И они пошли.

За последние три дня он несколько раз звонил Григорьеву, чтобы договориться о встрече, но тот был недостижим. Можно было бы написать ему, что он, Шibaев, разрывает договор о сотрудничестве, но такие вещи лучше решать с глазу на глаз. Так что вопрос о его увольнении был решен, или «увязан» – так, кажется, это называется на бюрократическом

языке – лишь наполовину. Для окончательного решения требовалось сообщить об этом Григорьеву. Лично.

Они неторопливо брели в сторону реки, и Ирина рассказывала, что сейчас там удивительно – листья с осин почти облетели, стволы белые, а тонкие ветки ивняка красные. И речная вода необыкновенно прозрачная и холодная, и желтый песок. И жухлая трава и листья, и вдруг – зеленые пики аира в ржавых студенох бочажках! И свист ветра в сухих стеблях, и крики птиц, которые не успели улететь...

Она оживилась, раскраснелась, говорила торопливо, словно боясь, что он перебьет. Шибаев шагал молча, сунув руки в карманы куртки, делая вид, что не замечает ее быстрых коротких взглядов сбоку. Он не столько вникал, о чем она говорит, сколько прислушивался к ее голосу, низковатому, негромкому, возбужденному.

За рекой было ветрено, пахло сухими листьями и речной водой. Каждый листок и каждая былинка виделись отчетливо, до самой крошечной детали. Мелкая чистая волна накатывала на песок, иногда плескалась рыба – вспыхивала серебряной искрой. Отсюда был отчетливо виден белый храм Спасителя на противоположном берегу, с золочеными луковичами и крестами.

– Правда чудо? – спрашивала Григорьева.

– Красиво, – отвечал Шибаев.

– Я ведь собиралась стать великой художницей, – сказала она с улыбкой. – Честное слово! Мой руководитель про-

чил мне большое будущее, и я верила, что впереди у меня слава, признание... Но не получилось. Только один мальчик с нашего курса поступил в столичный вуз, остальные расползлись кто куда. В оформители, дизайнеры, иллюстраторы, даже веб-дизайнеры. Некоторые поменяли профессию, другие... девочки, повыходили замуж, осели дома, родили детей... Никто не состоялся как художник.

– Вы больше не рисуете?

– Иногда... пишу, – ответила она не сразу. – Для себя, ничего уже не ожидая.

– Понятно, – по-дурацки произнес Шибаев, не определившись с тем, как себя держать. Ему хотелось спросить ее о... ней самой, о муже, об их отношениях. Но она все говорила о природе, неустанно восторгаясь, срывая какие-то уцелевшие цветы, показывала их Шибаеву, ожидая ответных восторгов. Он невольно подумал, что Алик Дрючин сумел бы поддержать разговор о... ни о чем, и они бы нашли общий язык.

Григорьева тем временем сорвала цветок – невзрачную белую кашку, растерла в руках и сунула ему под нос.

– Тысячелистник, как пахнет, а?

Растение надрывно пахло полынью. Ему показалось, что терпкой горечью пахнут ее руки, а вовсе не раздавленный цветок, и от этой мысли стало уже рукой подать до ощущения ее ладоней на своем лице.

– А вон зверобой! – Она указала на полусохшую кисточку желтых цветов.

Потом оступилась, и он подхватил ее. И выпустил не сразу, а только когда сообразил, что держит ее руку уже целую вечность, что она покраснела, стоит смирно, глаз не поднимает, не дышит, не пытается освободиться.

Возвращались они молча. Григорьева казалась поникшей. Устала. Даже не призывала его полюбоваться висящим в воздухе Спасителем, который теперь развернулся у них перед глазами. Они шли прямо в его бело-золотое сияние. Река была неподвижна, отражала церковь в тихой воде, и сразу не понять, какая из них настоящая.

Печаль ухода была разлита во всем – в холодеющем вечернем воздухе, темнеющем на глазах небе и светлых прощальных сполохах закатного солнца. Тяжеловатая тишина заречного луга сменялась городскими шумами, которые усиливались по мере приближения к мосту. Незаметно ушел день, и что-то ушло вместе с ним, оставив после себя неясное сожаление.

Они, не сговариваясь, шли медленно, словно отодвигая момент перехода из одного мира в другой. И уже на шумной городской улице Григорьева сказала, остановившись и заглянув ему в глаза:

– Хотите посмотреть мои картины?

Как любит повторять циник Алик Дрючин, женщина не приглашает к себе, чтобы показать вид из окна. Понимая

несложный механизм и условность данного утверждения, мужчина волен или согласиться взглянуть, даже если он равнодушен к живописи, или рвануть подальше, даже если она его интересует. Живопись, а не женщина, разумеется.

У Григорьевых был дом в Ольшанке, престижном новострое для богатых. Добирались машиной Ирины, белой «Тойотой», оставленной на стоянке у речного порта. Шибаев не любил японские автомобили за нарочитый рационализм, ему нравились большие тяжеловесные машины-танки вроде его собственной «BMW», купленной на «американский» гонорар.

Дом был трехэтажный, с островерхой крышей и окнами разной формы – под крышей круглыми, как иллюминаторы, ниже – квадратными, на первом этаже – прямоугольными, высокими, от пола до потолка. Вокруг – сад и цветник. Розы еще цвели вдоль дорожки к дому – белые, чуть поникшие цветки, черные чеканные листья. Высокая бетонная стена отделяла поместье от улицы. Ворота, повинаясь пульту, медленно разъехались в стороны и пропустили машину.

Дом был громаден. Григорьева зажгла везде свет, устроив иллюминацию. Вспыхнули светильники в обширном холле; затеплилась театральная люстра в центре зала – сложное сооружение на длинных цепях со свечами; приглушенными цветовыми пятнами выступили массивные торшеры, расставленные беспорядочно. Заиграли хрусталь и серебро

за стеклянными дверцами горок; определились светлые ковры и разноцветные диваны – белый, громадный, с десятком пестрых подушечек, оранжевый, поменьше, и коричневый, квадратный, похожий на кресло великана.

Белые стены. И разноцветные пятна картин на них.

– Давайте ужинать, – предложила Григорьева. – Я умираю с голоду. Только умоюсь, да? – Она часто заканчивала фразу вопросительным «да», и звучало в этом уютном «да» некое заверение в близости с собеседником, в их сопричастности и союзе.

Ее бледное обычно лицо обветрилось и разрумянилось. И аппетит у нее оказался отменный. Они оба ели с таким наслаждением, что невольно приходила в голову мысль – ради этого стоит поголодать весь день. Она достала из буфета вино – большую, несуразно длинную и кривую бутылку. Шибаетов открыл. Она смотрела на бутылку в его руках – ему показалось, она рассматривает их. Вино было красное. Выпив, Ирина еще больше разрумянилась и поминутно смеялась, запрокидывая голову. Ничем более не напоминала безрадостную женщину с фотографий. Серьги метались, посверкивая.

Она все время вставала, шарила в холодильнике, вытаскивала новую банку – то с маринованным чесноком, то с черной икрой, грибами, непонятно с чем, со стуком ставила на стол и хохотала, болтая серьгами. После очередного похода, когда она стояла с добычей в обеих руках, Шибаетов встал, взял ее за плечи, притянул к себе и поцеловал.

Она рванулась ему навстречу, как будто только и ждала этого. От нее пахло тысячелистником. Они целовались жадно и торопливо, обжигаясь, измученные бесконечным днем воздержания. Банки выскользнули из ее рук на пол и разбились, чего оба просто не заметили. «Еще, еще, еще... – бормотала она хрипло в короткие просветы между поцелуями. – Еще, еще, еще...» Ее обветренные губы шевелились, хриплое «еще» ввинчивалась ему в тело и душу, звук его отключал рассудок.

А ведь мудрый Алик Дрючин предупреждал, он призывал – не трахаться на работе! Но покажите нам того умника, кто всегда следует мудрым советам?

– Пошли! – Она потянула Шибаева за руку...

...Он лежал в чужой супружеской постели, забросив руки за голову. На стене напротив висело деревянное распятие – мучительно свесивший голову сын Божий, несуразно и грубо сработанный неумелой рукой сельского мастера где-нибудь в глубинах Европы. Раскрашенный белилами, с чахоточным румянцем на узком худом лице, с громадными босыми ступнями, с торчащими колючками тернового венца в вишневых каплях крови.

– Нравится? – спросила она, проследив его взгляд. – Ему больше трехсот лет. Чудо, правда?

Шибаев подумал, что триста лет для деревянного человека пролетели как одно мгновение. Сгинул неизвестный ма-

стер, сгинули целые поколения в войнах, и разрушился старый мир, а он висел на стене в деревенской церкви или в деревенском доме, и в глазах его стыли вселенская тоска и безнадежность. А теперь висит в грешной спальне. И это еще не последнее его пристанище.

Ирина прикасалась к его лицу – проводила чуткими пальцами по зажившей царапине на щеке, губам, гладила плечи и грудь. Он вздрогнул и рассмеялся, когда она коснулась его живота.

– Я *рассматриваю* тебя пальцами, – пробормотала она.

– Хочешь нарисовать?

– Хочу запомнить. Тебе бы натурщиком работать, у тебя красивое тело. Хочешь, устрою?

– Только для тебя.

– Я подумаю. Хочешь, как он? – Она кивнула в сторону распятия.

Шибает рассмеялся и мотнул головой.

– На кресте распинали еще и пленных, и рабов. Изобразу тебя белым рабом с севера, варваром-германцем или викингом, с желтыми волосами, заплетенными в косичку с кожаной веревочкой.

– Почему на кресте? Изобрази лучше в драке.

– Нет! На кресте выразительнее. С запрокинутой головой и оскаленным ртом. С мощными плечами, ямой живота и согнутыми коленями...

– Садистка! У тебя все картины такие? С ямой живота...

– Почти. Потом покажу.

– А себя ты рисуешь?

– Конечно! Все время!

– На костре?

– Нет. В воздухе.

– Это как?

– Я – плясунья с гирляндами цветов на шее, с шестом в руках, в пышной короткой юбочке. Можно вместо шеста с красным зонтиком. Бегу по канату, пляшу, помираю со смеху – пусть смотрят зеваки и завидуют!

– Плясунья с зонтиком? Сама придумала?

– Нет. Придумал один человек... когда-то.

– Муж? – запустил пробный камень Шибаев. Момент был как раз подходящий, чтобы вспомнить отсутствующего супруга.

Григорьева рассмеялась:

– Художник придумал. Артист. Муж тоже артист, только в другой сфере. Делает деньги. Ему такое не придумать.

– А ты пляшешь? – Получилось не очень, вроде он осуждал ее, как в известной басне.

Григорьева снова рассмеялась и сказала:

– Плясунья, бегущая по канату, это не профессия, Саша, а характер.

– Не понял, – удивился Шибаев, чувствуя себя тяжело-весом, не поспевая за легкими стремительными мазками ее фраз.

– Что ж тут понимать? Любое человеческое существо может быть *канатной* плясуньей, это характер, это *модус операнди*, так сказать...

Она лукаво прищурилась. Шибаетов знал, что такое «модус операнди» от Алика, который любил *вставить*, как он это называл. Вставить из латыни или английского для разнообразия и оживляжа, что производило неизгладимое впечатление на клиентов. Однажды Алик подарил Шибаетову листок с десятком-другим крылатых фраз на латыни вроде: да будет свет, через тернии к звездам, состав преступления, и ты, Брут, *образ действия*, и так далее. Шибаетов наклеил листок на стенку в «офисе», запомнил, но не пользовался, считая это выпендрежем. Да и случая не представлялось, если честно.

– И какой же модус операнди у канатной плясуньи?

– Балансирует, рискует, ставит на карту жизнь, идет до конца, потому что не может повернуть назад, улыбается и танцует, чтобы публика думала, будто ей весело. Прячет лицо под маской. – Она ответила, как заученный урок, не запнувшись. – Это скорее ты, чем я.

– Почему? – изумился Шибаетов. Какой-то двусмысленный разговор у них получался, намек чудился на что-то.

– Вон шрамы какие, – она провела ладонью по его груди. – Кто это тебя так?

– Упал с каната, – глупо пошутил он.

– Такие, как ты, не падают, – сказала она серьезно. – Та-

кие, как ты, идут до конца. Если бы я тебя не остановила тогда...

– А ты тоже идешь до конца? – перебил он, не желая вспоминать о подвернувшихся под руку злодеях.

– Я вообще никуда не иду. Застряла на полпути. Художник из меня не получился, жена я тоже не очень хорошая, сам видишь...

– Что за человек твой муж?

– Человек как человек. Неплохой, наверное. – Она задумалась. – Он меня спас...

– От чего?

– От меня самой, – серьезно ответила она. – Стал спонсором моей персональной выставки. Мы были едва знакомы, а он вбухал в меня такие деньжищи! Причем никаких условий не ставил, ничего не требовал взамен, руки не тянул. Поступок?

– Поступок. Выставка хоть удачная вышла?

– Катастрофа, а не выставка. Я поняла, что я бездарь и бесталанная дилетантка. Хотела даже покончить с собой. Но он сделал мне предложение и увез в Париж. А там магазины, музеи, рестораны и деньги рекой. Я и отвлеклась. Не всем дано.

– Так у вас все в порядке? – спросил он со странной настойчивостью.

Она пожала плечами:

– Ты имеешь в виду, почему здесь ты? – Она шлепнула

его ладонью по животу. Смелости ей было не занимать – обо всем открытым текстом, никаких обиняков. – Я не люблю мужа. И никогда не любила. И мужчины у меня были. Немного и недолго, правда. Против природы не попрешь. Теперь вот ты есть. Пусть это тебя не волнует, он тоже не теряется. Он сейчас в Испании, у нас дом под Барселоной. И я знаю, что он там не один. И еще я знаю, что он никогда меня не бросит. Я – его вложение, инвестмент, как сейчас говорят, и он прекрасно это понимает. Он гордится мной. Он мужик сильный, умный, жесткий, много зарабатывает, легко тратит. Ему, возможно, не хватает тонкости, но он никогда за всю нашу совместную жизнь не позволил себе даже намека на то, что мои картины просто жалкая мазня, за это я ему безмерно благодарна. Хотя не может не понимать, что они – мазня. Даже когда мы ссоримся, он не переступает черту, потому что знает, стоит обозвать меня... ну, допустим, бездарью или мазилой... что-то кончится между нами.

«Что-то кончится между нами...» Похоже, уже кончилось. Шибаев чувствовал себя шпионом, который обманом проник в лагерь противника. И вроде сочувствует противнику, а все равно шпион. Пока шпион, так как не развязался с заказчиком. В маске. С той стороны. И вопросы провокационные задает, используя ситуацию. Правда, не для Григорьева старается, а для себя, для личного уяснения обстоятельств.

Шибаев составил свое мнение о Григорьеве и теперь ис-

пытывал щекочущее любопытство, соотнося слова его жены с тем, как видел банкира он сам. А также с тем, что удалось пробить по своим каналам вездесущему адвокату Алику Дрючину. Ирина с легкостью поддавалась на провокации то ли от выпитого вина, то ли просто хотела выговориться.

Жены-изменщицы обычно жалуются на мужей – в этом их оправдание и просьба о снисхождении. Григорьева пыталась быть объективной. Не жаловалась и себя не жалела.

– И я его не брошу, – сказала она твердо. – Ты видел наш дом? Это я! Мой дом – моя картина, мое творчество. Все до последней подушки на диване выбрано мной, даже архитектура моя. Интерьеры, цвет, форма окон, цветники – это я! Я привыкла к деньгам. Особой радости замужество мне не принесло, но зато у меня есть гнездо. Родные стены. Я душу отдам за свой дом! Знаешь, о чем я мечтала в детстве и... потом? Чтобы у меня была своя комната! Свой угол, где мои вещи, мои книги, мои... кисточки и краски и чтобы никто не смел ворваться туда без спроса. Ни одна живая душа, потому что комната человека – его оболочка и его тайна. Его шкафа. А у нас была «распашонка» на четверых...

Шибает не понимал, зачем она говорит все это. Казалось, Ирина говорила не столько ему, сколько, в который уже раз, пыталась убедить в чем-то себя. Или все-таки оправдывалась?

– Я понял, – сказал он мягко. – Ты его не бросишь, ты любишь деньги и свой дом, ты не канатная плясунья...

Он хотел добавить, что не собирается делать ей предложение и ставить перед выбором – он или муж, но не посмел, побоялся обидеть.

– Я не канатная плясунья, – повторила она. – Я трусиха. Я бы и двух шагов не ступила по канату... к сожалению.

– Могу тебя успокоить, я тоже не канатный плясун. Не всем дано, – повторил он ее слова.

– Ошибаешься! – живо сказала она. – Я так и вижу тебя с шестом на канате! Каждый мускул играет!

– Так на кресте или на канате?

Она ахнула и проворно куснула его в плечо. Он запустил пальцы в ее волосы, резко притянул к себе. Серьги качнулись, сверкнув тускло-красной искрой.

...Она была легкой и подвижной, и ее волосы пахли пряно, полынно-горько. «Тысячелистник», – вспомнил он.

– Ты помнишь, как меня зовут? – спросила она вдруг, почти беззвучно, касаясь губами его губ.

– Помню, – ответил он. – Конечно, помню.

– Как?

– Ирина.

– Правильно. Скажи еще раз: «Ирина!»

– Ирина.

– Ира!

– Ира.

– Ирка!

– Ирка.

– Не забудешь?

– Нет.

– То-то...

Глава 7

Modus operand

Поставить их рядом было невозможно. Хамоватый жлоб Григорьев и... она. Ирина Сергеевна. Ирина. Ира. Ирка.

Шibaев взял сотовый телефон, и тот сразу же взорвался хрипло: – «Хел-л-лоу... моторола... хел-л-лоу... моторол-л-л-а-а». Это был, разумеется, изнывавший от неизвестности и беспокойства Алик Дрючин.

– Саша, ты где? – заорал он с облегчением. – Я уже не знал, что и думать! Где ты был?

– Потом расскажу, – ответил Шibaев сдержанно.

– Ты не ночевал дома, – сбавил тон адвокат.

– Так получилось, – сказал Александр.

– Ты был... с ней? – В голосе Алика чувствовалось страстное желание, чтобы его разубедили.

– Потом расскажу, – повторил уклончиво Шibaев, не желая идти на поводу у приятеля.

Он шел домой пешком, отказавшись от транспорта. Ему нужно было подумать. Он не знал, как расценить то, что произошло. Что делать дальше, он тоже не знал. Первым побуждением его было рассказать Григорьевой... Ирине о знакомстве с ее мужем, сломав таким образом ее чувство стабильности и благополучия. Вопрос, поверит ли она ему. В любом

случае она бросится к мужу выяснять отношения, некрасивая история вылезет наружу, что отразится на его карьере. Шибаевской, а не мужа. С другой стороны, плевать он хотел на такую карьеру. Но уходить из бизнеса нужно самому, а не вылетать из-за того, что спутался с женой клиента. Это его сторона медали. А ее сторона – это крушение привычного мира и наступление нежеланных перемен. Ее мир уже зашатался, о чем она не подозревает, а ему придется выступить в роли гонца, принесшего весть о проигранном сражении и бегущей армии. Причем сам он выступит в презренной роли перебежчика. И то, что произошло между ними, приобретет сомнительный оттенок свершившейся подлости. Такое не прощают. Он бы не простил. Понял бы, возможно, но не простил. Понять не значит простить, что бы там ни говорили классики. Или, вернее, не забыл бы. Если бы ему только удалось развязаться с Григорьевым! Он снова, в который раз уже, набрал его номер, но тот все еще был отрезан от мира, и Шибаев с досадой подумал, что ему там, на испанской «даче», видимо, совсем неплохо живется, раз он не спешит возвращаться.

Он ощущал губы Ирины на своих губах. Ему казалось, что он весь пропитался ее запахом – полынным и пряным. Он украдкой поднес руку к носу – так и есть! Слабый, едва уловимый запах тысячелистника. Теплая кожа, гибкое тело, ощущение ее пальцев на лице... Волосы, щекочущие его грудь, живот... Он замедлил шаги, испытывая яростное же-

ление вернуться к ней, и – к черту Григорьева! Вернуться, сгрести ее и... больше не выпускать! Рвануть одежду, снова увидеть смуглое тело, родинку на бедре... всю! И сказать... извини, я частный детектив, мелкая шавка, подглядывающая в щели и окна, а вовсе не... плясунья на канате, и меня нанял твой супруг, заплатил, не скупясь, за услуги. Извини, и давай подумаем, что делать дальше. Он представил себе ее глаза и содрогнулся.

Бедра заключалась в том, что он слишком трагично воспринимал собственное положение, стеснялся и не желал смириться с мелким калибром своей теперешней профессии. Его душа ныла по настоящему делу, а приходилось заниматься постыдной мелочовкой.

Если бы он воспринимал действительность философски, как призывал адвокат Алики Дрючин, он бы понял, что ничего страшного не случилось, жизнь выкидывает и не такие коленца, что женщины охотно прощают... частных детективов, окутанных романтической дымкой тайны. А тем более художницы, у которых без меры развито воображение. Но Шибаев не умел принимать действительность философски – для этого он был слишком реалистичен, а потому испытывал сейчас ярость и беспомощность Самсона, расставшегося со своими кудрями.

Он поминутно набирал номер банкира, но тот словно умер.

Он подумал вдруг, что так и не увидел ее картин. Не уви-

дел канатной плясуньи с красным зонтиком. И снова замедлил шаг, с трудом удерживая себя от рывка обратно, к ней, испытывая горькое сожаление, что может вообще никогда их не увидеть. Он не сумел бы выразить словами то, что чувствовал. Ему казалось, что картины – приоткрытая дверь в ее жизнь, она сама, ее суть в чистом виде. В творчестве притворяются реже, чем в жизни, или не притворяются вовсе, и, увидев их, он бы понял про нее что-то новое, что сблизило бы их...

Вот так примерно он чувствовал.

Ему не хотелось встречаться с Аликом. Адвоката, к счастью, на общей территории не оказалось. На экране компьютера белела его записка, и Шibaев, не читая, сорвал ее и сунул в карман. Пальцы нащупали другой листок. Ирина уже в прихожей протянула ему нацарапанные на случайном клочке бумаги номера своих телефонов – мобильного и домашнего. Она не спросила его телефон, словно хотела сказать – твоя свобода при тебе, звать тебя я не буду, захочешь – придеешь сам. А я буду ждать. Он смотрел на листок со знакомыми цифрами из ее записной книжки, той, с которой она когда-то сидела в «Белой сове», и тогда между ними все было предельно ясно, вернее, ничего еще не было.

Шibaев поработал с документами, которые давно следовало привести в порядок. Работа нудная, не первостатейной важности, но ему требовалось занять себя хоть чем-то, а еще

выразить таким образом недовольство собой и складывающейся ситуацией. Вроде как наложить на себя епитимью.

Он позвонил ей около шести вечера, не выдержал. По мобильному она была недоступна, а домашний молчал. Он, не желая смириться, набирал номер снова и снова и слушал бесконечные длинные сигналы и бесстрастный голос автоответчика...

– И как она? – спросил полный нетерпения Алик Дрючин вечером, когда они сидели на кухне Шибаева. Ужин на сей раз готовил хозяин, его очередь настала. Он приготовил свое коронное блюдо – яичницу с помидорами, которому научился у Веры. Импровизируя, он добавлял туда еще и красный сладкий перец, и ветчину, и даже сыр, если случался под рукой. Получалось каждый раз по-новому и просто «охрительно». Алик называл это блюдо французским рагу из кошки, которое хорошо тем, что в него можно набросать всякие остатки пищи, накопившиеся в холодильнике.

Шибаев поставил горячую сковородку на кафельный квадратик подставки. Уселся на табурет. Алик уже разлил. Они взяли стаканы.

– За любовь! – провозгласил Дрючин. Они выпили. Шибаев разделил яичницу пополам, сбросил в тарелки. Алик смотрел на него взглядом, полным ожидания. Он изнывал от желания услышать подробности. – Ну и... что? – подтолкнул он Сашу. – Как она?

Шибает молча ел, отвечать не спешил.

– Что случилось? На нее снова напали?

– Нет, – наконец выдал из себя Шибает. – Не напали.

Мы встретились случайно, она меня узнала...

– Ты же шел к Павлику, – напомнил Алик.

– Павлика мне не дали. Вера позвонила и сказала, что у них другие планы.

– Стервида!

Шибает пожал плечами: с его точки зрения, обсуждать характер бывшей супруги – пустое занятие.

– И что было потом?

– Мы пошли за реку на озеро. Потом...

– Потом?

– Потом к ней домой, она пригласила посмотреть картины...

– Ну и как тебе ее картины?

– Картины? Картины посмотреть не получилось.

Алик хмыкнул. Вопрос «ты ее хоть трахнул?» крутился у него на языке, но странная задумчивость Шибаета мешала его задать. Хотя разве и так не ясно?

– А муж?

– Муж в Испании, там у них дом.

– Ого! И здесь дом, и в Испании!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.